

Zur Beleuchtung der finnischen Frage.

Къ освѣщенію финляндскаго вопроса.

Нѣсколько статей

изъ финляндской газеты.

Переводъ со шведскаго.

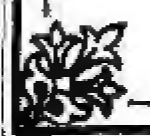

Berlin 1900.

B. Behr's Verlag (E. Bock)

Steglitzerstr. 4.

Aus dem Schwedischen übersetzt.

Schriften über Finnland.

MECHELIN, L. Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finland (Marquardsen, Handbuch des öffentlichen Rechts). Freiburg i. B. 1889. Mk. 13.--

— Precis du droit public du Grand-Duché de Finlande. Berlin, Puttkammer & Mühlbrecht; Paris, Guillaumin & Cie. 1886.

— A precis of the public law of Finland. London. Chapman & Hall. 1889.

— La question finlandaise. Lettre ouverte à M. le Rédacteur responsable du Journal de St. Pétersbourg. Helsingfors. 1893.

DANIELSON, J. R. Finlands Vereinigung mit dem russischen Reiche. Helsingfors 1891.

— Finlands union with the russian empire. Borgå 1891. Werner Söderström.

On the validity of the fundamental laws of Finland. Stockholm 1892.

MEURMAN, A. La Finlande d'autrefois et d'aujourd'hui. Helsingfors 1890. Paris, Hachette & Co.

Finlands Kampf um sein Recht auf dem Landtage 1891. Sonderabdruck aus der Beilage zur „Allgemeinen Zeitung". Druck von G. Zahn & H. Baendel.

FISHER, Joseph R. Finland and the tsars 1809—1899. — London 1899. Edw. Arnold. 12 sh. 6 d.

Le Coup d'Etat en Finlande. Leipzig 1899. W. Friedrich.

MINZES, Boris Dr. Staatsstreich in Finnland u. national-russische Eroberungspolitik. Berlin 1899. Emil Felber.

PUAUX, René. Pour la Finlande. Paris 1899. P. V. Stock.

Pro Finlandia. Les adresses internationales à S. M. l'Empereur-Grand-Duc Nicolas II. Edition facsimile. Stockholm 1899. Hasse W. Tullberg. Berlin, Otto Mertz.

Zur Beleuchtung der finnischen Frage.

Къ освѣщенію финляндскаго вопроса.

Нѣсколько статей

изъ финляндской газеты.

Переводъ со шведскаго.

Berlin 1900.

B. Behr's Verlag (E. Bock)

Steglitzerstr. 4.

Aus dem Schwedischen übersetzt.

Вмѣсто предисловія.

«Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ — —». Однако всѣ усилія «не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія — —. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно — —. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути».

На началахъ права и справедливости зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ.

(Изъ сообщенія, врученнаго 12 августа 1898 г. по Высочайшему Государя Императора повелѣнію всѣмъ пребывающимъ въ С. Петербургѣ иностраннымъ представителямъ.)

*

«Уваженіе къ закону составляетъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ опоръ государственнаго порядка, а уваженіе къ закону неразрывно связано съ охраненіемъ права. — — твердое охраненіе

права составляетъ одну изъ первыхъ задачъ политики во всякомъ благоустроенномъ государствѣ». (*Б. Чичеринъ:* Курсъ государственной науки: часть III, стр. 18. Москва 1898 г.)

«Если мы должны видѣть въ государствѣ не мертвую машину, устроенную по волѣ законодателя и повинующуюся внѣшнему руководсеву, а живой организмъ, образующійся медленнымъ историческимъ путемъ изъ разнородныхъ, нерѣдко даже враждебныхъ другъ другу элементовъ, которые не исчезаютъ въ общемъ строѣ, а тѣмъ болѣе стремятся къ сохраненію своихъ особенностей, чѣмъ болѣе они имѣютъ въ себѣ внутренней силы и крѣпости, то мы должны признать вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ одною изъ существенныхъ задачъ государственной политики. Государство не есть созданіе отвлеченной теоріи, а продуктъ реальныхъ силъ, и, какъ таковой, должно считаться съ тѣми условіями, въ которыя поставила его исторія. Какъ живое тѣло, оно представляетъ согласіе въ разнообразіи; а каково это разнообразіе, это зависитъ отъ свойства входящихъ въ составъ его элементовъ. Самая задача государства, та цѣль, во имя которой оно существуетъ, состоитъ не въ подчиненіи всѣхъ гражданъ внѣшней для нихъ власти, а въ созданіи общихъ условій, въ которыхъ люди могутъ развиваться разумно и свободно; послѣднее же предполагаетъ уваженіе къ праву

и вниманіе къ потребностямъ общества. Власть установляется для блага подданныхъ, а въ числѣ этихъ благъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ привязанность ко всему родному. Она составляетъ одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой души, самую завѣтную ея святыню. Она выводитъ человѣка изъ погруженія въ матеріальные интересы и воспитываетъ въ немъ высшія нравственныя начала. На ней зиждется любовь къ отечеству, составляющая самую надежную опору государственнаго порядка. Поэтому, посягательство на родное со стороны государства всегда чувствуется, какъ оскорбленіе святыни. Правительство, которое мечтаетъ насиліемъ привязать людей къ государству, не только поступаетъ наперекоръ истинному своему призванію, но само подрываетъ свое дѣйствіе. Вмѣсто привязанности, оно возбуждаетъ только злобу и ненависть и тѣмъ самымъ готовитъ себѣ безчисленныя затрудненія. При внѣшнемъ подчиненіи остается неисцѣлимая внутренняя рознь.

Еще хуже, когда сама владычествующая народность, въ непомѣрномъ самопревознесеніи, хочетъ раздавить и уничтожить народности ей подвластныя. Именно то, что составляетъ ея гордость, она преслѣдуетъ въ другихъ, подобно тому какъ католики требуютъ свободы для себя и отказываютъ въ ней противникамъ. Таковъ именно былъ характеръ того ложнаго патріотизма, кото-

рый недавно еще былъ господствующимъ явленіемъ въ русской печати, и который, къ сожалѣнію, понынѣ значительно распространенъ въ русскомъ обществѣ. Всякое желаніе сохранить свои родныя особенности считалось государственнымъ преступленіемъ. Интересъ русской народности, понятый въ самомъ исключительномъ и эгоистическомъ смыслѣ, долженъ былъ поглощать въ себѣ все. Забывали, что интересы притѣснителей не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго права на существованіе. Когда же съ притѣсненіемъ другихъ сочетается непомѣрное самохвальство, когда, въ добавокъ, высшею добродѣтелью угнетающей народности выставляется христіанское смиреніе, то подобный патріотизмъ составляетъ одно изъ самыхъ противныхъ и уродливыхъ явленій, какія можно встрѣтить въ общественной жизни. Русское общество нельзя отъ этого достаточно предостерегать». (*Б. Чичеринъ:* Курсъ госуд. науки; ч. III, стр. 342. Москва 1898.)

Нашъ уставъ о воинской повинности и идея объединенія.

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 25 сент. 1898 г. № 260 А.

Многіе, вѣроятно, удивлялись тому, что высказывавшіяся за послѣднее время требованія реформы нашего устава о воинской повинности не подкрѣпляются никакими мотивами, касающимися существа дѣла. Въ видѣ нѣкотораго основанія для этихъ требованій иногда только указывается на «необходимость объединенія». Но понятіе объединенія, о которомъ говорятъ нѣкоторые органы русской печати, не есть дѣйствительный, реальный мотивъ; это лишь теорія, лишь чистѣйшая абстракція, безмѣрная по объему и столь-же безсодержательная.

Назначеніе войска есть, разумѣется, въ концѣ концовъ — война. Поэтому военныя силы страны и, въ частности, ихъ организація должны быть приноровлены къ тому, чтобы войско, при соблюденіи по мѣрѣ возможности интересовъ мирнаго

времени, удовлетворяло требованіямъ военнаго времени. Такимъ образомъ, вопросъ о цѣлесообразности военнаго законодательства извѣстной страны слѣдуетъ разсматривать именно съ этой точки зрѣнія, а не на основаніи какихъ либо иныхъ соображеній.

Въ виду положенія Финляндіи всегда можно ожидать, что финскія и русскія войска въ случаѣ войны будутъ дѣйствовать здѣсь совмѣстно: это обстоятельство оправдываетъ требованіе единства въ извѣстномъ отношеніи, а именно: въ отношеніи главныхъ основаній тактической подготовки войскъ и, слѣдовательно, также въ отношеніи организаціи тактическихъ единицъ. По той же причинѣ, хотя и въ меньшей степени, желательно также нѣкоторое единство по вопросу о вооруженіи и снаряженіи войска, потому что на тактическую подготовку въ извѣстной степени вліяютъ также эти обстоятельства.

Но развѣ желательности такого объединенія не удѣлено мѣста въ дѣйствующемъ у насъ уставѣ о воинской повинности? Развѣ это объединеніе не замѣчается фактически въ нашихъ войскахъ, организованныхъ на основаніи дѣйствующаго устава? Добросовѣстный отвѣтъ на эти вопросы не можетъ оказаться неблагопріятнымъ для нашего устава. Согласно §§ 121 и 122 этого устава составъ и распредѣленія войска, а также его снаряженіе зависитъ отъ Государя Импера-

тора и Великаго Князя. Въ § 119 говорится, что генералъ-губернаторъ есть главный начальникъ финскихъ войскъ, такъ что въ его рукахъ сосредоточенъ высшій надзоръ за боевою подготовкою войскъ, а русскій военный министръ, на основаніи того-же параграфа, докладываетъ Монаху всѣ вопросы, касающіеся обученія войска, изданія всякаго рода военныхъ уставовъ и руководствъ, распредѣленія войска, производства офицеровъ и т. п. Всѣ эти опредѣленія на дѣлѣ привели къ тому, что раздѣленіе нашихъ войскъ на тактическія единицы, ихъ обученіе, вооруженіе и даже обмундированіе вполнѣ соотвѣтствуютъ русскимъ образцамъ. Даже командныя слова въ нашихъ войскахъ русскія и для всѣхъ офицеровъ знаніе русскаго языка обязательно. Всѣ русскіе военные авторитеты, которые имѣли случай видѣть наши войска, могутъ засвидѣтельствовать, что въ этихъ отношеніяхъ финскія войска сравнены съ русскими. Это вполнѣ относится также къ качеству боевой подготовки нашихъ войскъ. Фактъ этотъ неоднократно подтверждался компетентными судьями: онъ недавно подтвержденъ и Его Императорскимъ Величествомъ, и военнымъ министромъ, не говоря уже о другихъ лицахъ; мы говоримъ о большихъ маневрахъ подъ Петербургомъ, мѣсяцъ тому назадъ.

Такимъ образомъ въ дѣйствующемъ у насъ уставѣ о воинской повинности не содержится ни-

чего, что мѣшало бы успѣху совмѣстныхъ дѣйствій финскихъ и русскихъ войскъ въ случаѣ войны на финляндской территоріи.

Задача устава о воинской повинности заключается, однако, не только въ созданіи и организаціи военныхъ силъ страны, но и въ обезпеченіи комплектованія ихъ въ мирное и военное время. Поэтому онъ долженъ содержать особыя опредѣленія, которыя давали бы возможность, особенно въ военное время, пополнять дѣйствующія войска въ достаточной мѣрѣ новыми силами такого качества, чтобы боевая готовность была бы обезпечена настолько же, какъ въ Россіи. Вотъ еще обстоятельство, которое, также, какъ и затронутыя нами выше, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ общеимперскихъ интересовъ требуетъ извѣстнаго согласованія нашего устава о воинской повинности съ русскимъ — согласованія въ отношеніи результатовъ, а не въ способѣ ихъ достиженія. Съ точки зрѣнія общеимперскихъ интересовъ, конечно, совершенно безразлично, какимъ образомъ Финляндія достигаетъ того, чтобы и въ мирное, и въ военное время, поддерживался полный комплектъ ея войскъ; важно только, чтобы это было выполнено удовлетворительнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи нашъ уставъ о воинской повинности также удовлетворяетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Дѣйствующія войска обез-

печены наличностью запаса, получившаго нѣкоторую подготовку, и численность запаса болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы нынѣшній мирный составъ и даже составъ болѣе многочисленный довести до состава военнаго времени и чтобы въ теченіе продолжительной по нынѣшнимъ понятіямъ войны поддерживать полный комплектъ военнаго состава. Въ случаѣ же вторженія непріятеля въ Финляндію отъ Государя Императора и Великаго Князя зависитъ еще болѣе усилить войско сформированіемъ особыхъ отрядовъ ратниковъ ополченія, уже обучавшихся военному дѣлу. Поэтому, если относиться къ дѣлу безпристрастно и руководствоваться реальными соображеніями, то нельзя утверждать, чтобы дѣйствующій у насъ въ настоящее время уставъ о воинской повинности не обезпечивалъ комплектованія и усиленія дѣйствующихъ войскъ.

Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы нельзя было придумать мелкихъ улучшеній по частнымъ вопросамъ; можетъ быть, такія улучшенія даже дѣйствительно требуются. Но мы увѣрены въ томъ, что полная передѣлка нашего устава о воинской повинности и ломка нынѣшней нашей военной организаціи вовсе не оправдываются достигнутыми до сихъ поръ результатами, и что для такихъ радикальныхъ преобразованій не представляется достаточныхъ основаній.

Дѣйствительно ли на Финляндію ложится слишкомъ незначительное военное бремя?

Статья газеты „Nya Pressen" отъ 28 сент. 1898 г., № 263.

Говорятъ, что финское войско слишкомъ малочисленно и должно бы быть увеличено въ три раза, такъ какъ мирный составъ его составляетъ всего 2,2 чел. на тысячу населенія, тогда какъ то же отношеніе для Россіи выражается 7 чел. на тысячу. При этомъ расчетѣ не принято, однако, во вниманіе одно важное обстоятельство; поэтому и получается выводъ совершенно невѣрный. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ сопоставлены двѣ до извѣстной степени разнородныя системы воинской повинности: такимъ образомъ мы здѣсь имѣемъ дѣло съ логическою ошибкою: это тоже самое, что если-бы мы стали сравнивать двѣ паровыя машины неодинаковой системы, исключительно на основаніи ихъ вѣса или объема. Сравнивая двѣ машины, слѣдуетъ имѣть въ виду ихъ дѣйствіе въ качественномъ и количественномъ отношеніи, а также ихъ продуктивность, т. е. вопросъ о томъ, во что обходиться ихъ работа. Точно также сравненіе двухъ военныхъ механизмовъ должно

основываться не на отрывочныхъ данныхъ, а на сопоставленіи результатовъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ спеціальныхъ задачъ. Но такое сравненіе является сложной задачей, разрѣшить которую при помощи арифметики и пропорцій невозможно.

Если мы хотимъ рѣшить вопросъ о томъ, достаточны или недостаточны военныя силы Финляндіи и военныя расходы страны и не слѣдуетъ ли ихъ увеличить, то мы должны исходить изъ реальныхъ условій. Таковы — географическое и стратегическое положеніе страны и задачи, которыя предстоятъ войску въ военное время, *климатъ страны, густота населенія*, природныя трудности, съ которыми здѣсь приходится бороться культурѣ, и возможность при данныхъ условіяхъ увеличить военное бремя безъ чрезмѣрнаго ущерба для мирныхъ интересовъ населенія. Всѣ перечисленныя нами данныя вліяютъ на численность войска и на размѣръ военныхъ расходовъ: ими же опредѣляется наиболѣе цѣлесообразный способъ отбыванія воинской повинности и форма военной организаціи.

По существу дѣла главная задача финскихъ войскъ *заключается въ оборонѣ береговъ* Финляндіи и въ предупрежденіи попытокъ непріятеля подойти къ Петербургу по финляндской территоріи. Сухопутная граница, проходящая черезъ пустынныя мѣстности Лапландіи, уже по климату

и по природнымъ условіямъ представляется фактически недоступною: ее поэтому можно почти не принимать въ соображеніе. Такимъ образомъ непріятель можетъ достигнуть финляндской территоріи только морскимъ путемъ; путь этотъ долог̆ъ и открытъ съ фланга; отсюда рискованность такого нападенія. Доставить сюда болѣе или менѣе значительные военные отряды, поддерживать сношенія съ отдаленнымъ базисомъ, перевозить подкрѣпленія и провіантъ, было бы очевидно, сопряжено съ громадными трудностями. Кромѣ того приходится считаться съ опасными шхерными фарватерами и суровою зимою, въ теченіе которой непріятельское войско было бы совершенно изолировано, почему оно уже осенью было бы вынуждено удалиться, если бы къ тому времени ему только не удалось добиться рѣшительныхъ успѣховъ. Наконецъ вслѣдствіе рѣдкаго населенія страны непріятель не могъ бы разсчитывать путемъ реквизицій получать необходимый провіантъ, фуражъ и перевозочныя средства; ихъ пришлось бы доставлять морскимъ путемъ. Ясно поэтому, что непріятель никогда не рѣшился бы выбрать Финляндію главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій. Въ Финляндіи возможна лишь высадка сравнительно малочисленныхъ отрядовъ для отвлеченія вниманія отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій, или для

образованія опорныхъ пунктовъ для непріятельскаго флота въ Финскомъ заливѣ.

Итакъ, и съ точки зрѣнія обороны, безцѣльно было бы требовать, чтобы Финляндія содержала такое же войско, какое требуется тамъ, гдѣ приходится защищать сухопутныя границы. Въ Финляндіи сравнительно малочисленное войско можетъ удовлетворять всѣмъ задачамъ военнаго времени; это вѣрно особенно при томъ условіи, если войско организовано такимъ образомъ, что для комплектованія и усиленія его имѣется достаточное число получившихъ нѣкоторую военную подготовку чиновъ запаса, которые, въ исключительныхъ случаяхъ, въ случаяхъ серьезной опасности, немедленно могутъ быть призваны на дѣйствительную службу и выступать противъ непріятеля. Особенности нашего устава о воинской повинности направлены именно къ достиженію этой цѣли. — Впрочемъ, нѣкоторое увеличеніе финскаго войска, особенно посредствомъ сформированія артиллерійскихъ и техническихъ кадръ, соотвѣтствовало бы дѣйствительнымъ потребностямъ и представляется справедливымъ, дабы расположенныя здѣсь русскія войска могли получить иное назначеніе.

Если такимъ образомъ уже въ виду положенія Финляндіи возможно довольствоваться менѣе интенсивнымъ развитіемъ военныхъ силъ страны, то съ точки зрѣнія интересовъ культуры было

бы чистѣйшимъ вандализмомъ примѣнять здѣсь, подъ полярнымъ кругомъ, тотъ же масштабъ милитаризма, который привелъ на край гибели другія страны, несравненно болѣе богатыя и болѣе щедро одаренныя отъ природы. Наконецъ тяжесть военнаго бремени зависитъ также отъ психологическихъ особенностей народовъ, а что военное бремя и при нынѣшнихъ условіяхъ тяжело ложится на финскій народъ, объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ быстрое усиленіе эмиграціи послѣ введенія воинской повинности.

Требованіе, чтобы военное бремя Финляндіи, съ абсолютной точки зрѣнія, было доведено до размѣровъ, которые оно достигло въ большихъ военныхъ государствахъ, оказывается, слѣдовательно, несправедливымъ и не вызывается соображеніями государственной мудрости. Особенно же неумѣстнымъ оно представляется въ настоящее время, когда еще недавно самымъ компетентнымъ авторитетомъ открыто признано, что это бремя даже въ другихъ странахъ становится нестерпимымъ и что необходимо серьезно приступить къ его облегченію.

Установленіе численности мирнаго состава законодательнымъ порядкомъ.

Статья газеты „Nya Pressen" отъ 30 сентября 1898 г., № 265.

Къ числу постановленій устава о воинской повинности, объ исключеніи которыхъ изъ этого закона въ послѣднее время говорили, принадлежитъ также установленіе численности мирнаго состава. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, считали этотъ вопросъ относящимся къ области военной техники, къ подробностямъ организаціи, по аналогіи съ вопросомъ о численности батальоновъ, ротъ и т. п. Не трудно, однако, доказать, что это мнѣніе неосновательно и что предположеніе объ исключеніи соотвѣтственнаго правила основывается на совершенно неправильномъ взглядѣ на дѣло.

Численностью мирнаго состава непосредственно опредѣляется число лицъ, ежегодно призываемыхъ на дѣйствительную службу для комплектованія войсковыхъ частей. Затѣмъ отъ численности мирнаго состава до извѣстной степени зависитъ составъ военнаго времени и, слѣдовательно, также число лицъ, призываемыхъ на службу при мобилизаціи и въ военное время;

другими словами, отъ мирнаго состава зависитъ вѣроятность для чиновъ запаса быть призванными на дѣйствительную службу. Понятно поэтому, что установленіе численности мирнаго состава, съ разныхъ точекъ зрѣнія, «непосредственно касается отбыванія воинской повинности».

Но существуетъ еще другое столь же важное или, пожалуй, даже болѣе важное соображеніе, въ виду котораго безусловно необходимо сохранить въ уставѣ о воинской повинности, эту статью, т. е. другими словами — участіе сейма въ установленіи численности мирнаго состава; при этомъ за упомянутой статьей должна быть сохранена сила основнаго закона. Такое требованія вызывается финансовыми соображеніями. Что военный бюджетъ главнымъ образомъ и преимущественно зависитъ отъ численности мирнаго состава, это настолько очевидно, что было бю излишне это подробно доказывать. Въ настоящее время по крайней мѣрѣ 65—70 % нашихъ военныхъ расходовъ находятся въ непосредственной зависимости отъ численности мирнаго состава войскъ. Установленіе численности этого состава административнымъ путемъ поэтому немыслимо безъ ограниченія права самообложенія народа; въ такомъ случаѣ это право могло бы фактически потерять всякое реальное значеніе.

Вездѣ, гдѣ государственный строй болѣе или менѣе послѣдовательно проникнутъ конституціонными принципами, вездѣ тамъ народному представительству предоставленъ рѣшающій голосъ въ данномъ вопросѣ.

Совершенно другое значеніе имѣетъ вопросъ о численности отдѣльныхъ частей войска. Онъ относится къ вопросамъ военной техники, которые рѣшаются сообразно существующимъ въ данное время требованіямъ военнаго искусства и потому, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, должны зависѣть непосредственно и исключительно отъ усмотрѣнія высшаго военнаго начальства. Это принято также въ соображеніе въ нашемъ уставѣ о воинской повинности, такъ какъ, согласно 2 п. § 121, вопросы, касающіеся состава дѣйствующихъ войскъ, рѣшаются высшимъ начальникомъ войскъ, Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ.

По поводу отбыванія финляндцами воинской повинности лишь въ финляндскихъ войскахъ.

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 4 октября 1898 г. № 269.

Дѣйствующій уставъ о воинской повинности хотятъ измѣнить также въ томъ отношеніи, чтобы часть призванныхъ на военную службу финляндцевъ отбывала эту повинность въ русскихъ войскахъ. Невозможность такого измѣненія должна бы быть очевидна для каждаго, кто постарается серьезно ознакомиться съ характеромъ автономіи, которою согласно основнымъ законамъ пользуется наша страна. Но разъ вопросъ этотъ возбужденъ, не мѣшаетъ посвятить ему нѣсколько словъ.

Прямо или косвенно выставить требованіе, что финляндскіе граждане могутъ быть принуждаемы отбывать воинскую повинность въ рядахъ русскихъ войскъ, невозможно уже потому, что это было бы настолько рѣзкимъ нарушеніемъ личныхъ правъ гражданъ, что можно даже усумниться, имѣетъ ли государство право принять такую мѣру. Такое постановленіе было бы равносильно признанію, что государство можетъ произвольно, на основаніи жребія, лишать нѣкоторыхъ гражданъ охраны своихъ законовъ, истор-

гать ихъ на время изъ своей среды и подчинять ихъ дѣйствію чуждыхъ законовъ, неизвѣстныхъ имъ ни по духу, ни по содержанію. И мало того, что эти лица не знали бы законовъ, которымъ имъ пришлось бы подчиняться; возможно представить себѣ, что вслѣдствіе примѣненія этихъ законовъ они въ теченіе нѣкотораго времени, — а многіе изъ нихъ, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, и навсегда — могли бы быть лишены самыхъ существенныхъ личныхъ правъ, связанныхъ съ принадлежностью къ числу финляндскихъ гражданъ.

Но если бы государство, основываясь на болѣе или менѣе искусственныхъ толкованіяхъ, даже могло присвоить себѣ такое право, то всетаки въ этомъ заключалась бы, съ фактической и нравственной точки зрѣнія, вопіющая несправедливость. Такая мѣра не вела бы ни какой реальной выгодѣ, а бремя воинской повинности распредѣлялось бы въ высшей степени неравномѣрно, тогда какъ основная идея воинской повинности заключается, наоборотъ, въ одинаковой обязанности всѣхъ и каждаго участвовать въ защитѣ родины. Представимъ себѣ, каково было бы положеніе финляндцевъ, отбывающихъ воинскую повинность въ отрядѣ, языкъ котораго, нравы и законы были-бы для нихъ совершенно незнакомы. По недоразумѣнію, особенно вслѣдствіе незнанія русскаго языка, финляндецъ могъ

бы совершить преступленіе противъ дисциплины и установленнаго порядка, которое имѣло бы для него пагубныя послѣдствія, быть можетъ, на всю жизнь. Онъ могъ бы попасться въ руки ограниченнаго и грубаго унтеръ-офицера или, можетъ быть, даже офицера, — примѣры тому встрѣчаются во всѣхъ арміяхъ міра: не будучи въ состояніи объясниться, онъ, въ такомъ случаѣ, находился бы въ безправномъ и беззащитномъ положеніи, подвергаясь всякаго рода придиркамъ и тиранствамъ. Даже такіе офицеры, которые заслуживаютъ полнаго уваженія, но которые не знакомы съ національными особенностями финляндцевъ и не умѣютъ поэтому обращаться съ ними, могли бы доводить дѣло до столкновеній, которыя для рядовыхъ изъ финляндцевъ имѣли бы весьма серьезныя послѣдствія. Однородность частей является дѣломъ весьма важнымъ уже съ чисто военной точки зрѣнія, какъ для поддержанія дисциплины и внутренняго порядка, такъ и для обученія и для возбужденія чувства довольства у солдата. Это чувство довольства, въ свою очередь, имѣетъ значительное вліяніе на санитарныя условія войска и вообще на боевую его готовность. Государство, посылая рекрутъ въ казармы, должно озаботиться, чтобы они не подвергались такимъ лишеніямъ, которыя не представляются вполнѣ неизбѣжными.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ, отнюдь не маловажномъ обстоятельствѣ, являющимся препятствіемъ къ отбыванію финляндцамъ воинской повинности въ рядахъ русскихъ войскъ. Мы имѣемъ въ виду пищу. Это вовсе не такіе пустяки, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Польза отъ той или другой пищи — понятіе относительное, зависящее въ значительной степени отъ привычки. Пища, вполнѣ пригодная для русскихъ солдатъ, являлась бы для финляндцевъ, въ виду различія національныхъ вкусовъ, источникомъ почти нестерпимыхъ мученій и вредно отзывалась бы на ихъ здоровье.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что дислокація русскихъ войскъ не опредѣлена разъ на всегда, а мѣняется весьма часто. Служба въ русскихъ войскахъ, хотя бы исключительно въ частяхъ, расположенныхъ въ Финляндіи, въ виду этого обстоятельства, съ теченіемъ времени весьма легко могла бы повести къ необходимости нести службу въ какомъ либо иномъ мѣстѣ на обширной русской территоріи. Въ виду же возможности такого исхода дѣла, всѣ приведенныя нами соображенія и опасенія получаютъ еще во много разъ большее значеніе.

Мы знаемъ, съ какою неохотою наши крестьяне отбываютъ воинскую повинность; поэтому не надо вводить такихъ измѣненій, которыя еще болѣе

увеличивали бы тягость этой повинности. Такія измѣненія могли бы имѣть самыя серьезныя послѣдствія для культурнаго прогресса нашей страны, потому что усиленная эмиграція, вызванная уже и нынѣшнимъ уставомъ о воинской повинности, въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, приняла бы весьма опасные размѣры; вслѣдствіе нея стали бы рѣдѣть ряды какъ разъ самой развитой, предпріимчивой и трудоспособной части населенія.

Командованіе финскими войсками можетъ быть поручаемо лишь финляндцемъ.

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 7 окт. 1898 г. № 272 А.

Почти все, сказанное нами относительно зачисленія финляндцевъ въ русскія войска для отбыванія воинской повинности, въ сущности примѣнимо и къ вопросу о службѣ русскихъ офицеровъ въ финскихъ войскахъ. Сильно увеличивалось бы бремя военной службы для финскихъ солдатъ, если ихъ начальство стало бы для нихъ

чуждо не только по языку, но еще болѣе по образу мыслей и по понятіямъ. Такое положеніе вещей подавало бы также слишкомъ много поводовъ къ недоразумѣніямъ, которыя могли бы имѣть опасныя послѣдствія для будущности отдѣльныхъ лицъ и для дисциплины; вредно отзывалось бы оно и на обученіи войскъ. Кромѣ того, если бы даже русскіе офицеры утверждались въ должности лишь послѣ извѣстнаго пребыванія въ Финляндіи и если бы они изучили финскій и шведскій языки, — всетаки въ большинствѣ случаевъ ими было бы крайне трудно вполнѣ понять духъ нашего общественнаго и правоваго строя и вполнѣ съ нимъ освоиться. За послѣдніе годы у насъ накопилось достаточно неоспоримыхъ данныхъ въ подтвержденіи этого мнѣнія. Эта неспособность понимать духъ чужаго народа, объясняемая историческими, культурными и психологическими факторами, является безъ сомнѣнія главнѣйшею причиною того радраженія, съ которымъ за послѣднее время русскіе такъ часто стали относиться къ Финляндіи и къ финляндскимъ порядкамъ. Усиливать возможность столкновенія противоположныхъ взглядовъ и понятій было бы неполитично и нежелательно ни для блага Финляндіи, ни съ точки зрѣнія общеимперскихъ интересовъ. Если даже нивелировка народныхъ особенностей вообще желательна, — что съ общечеловѣческой точки зрѣнія предста-

вляется по крайней мѣрѣ спорнымъ, — то все-таки было бы опасною ошибкою думать, что можно достигнуть такой нивелировки искусственнымъ путемъ, создавая лишніе поводы для недоразумѣній и столкновеній. Такая политика порождаетъ рознь, а не согласіе. Только при свободномъ развитіи, помимо законодательства и принудительныхъ мѣръ, могутъ постепенно сглаживаться; національныя особенности подъ вліяніемъ естественнаго взаимодѣйствія въ области духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ; такое взаимодѣйствіе не можетъ не установиться между двумя сосѣдними странами и оно должно рости по мѣрѣ культурныхъ и экономическихъ успѣховъ обѣихъ странъ. Ускорять это развитіе при помощи искусственныхъ мѣръ было бы весьма неудачною политикою, которая вела бы не къ согласію и симпатіи, а лишь къ ожесточенію и ненависти.

Все это относится не только къ назначенію русскихъ офицеровъ на службу въ финскихъ войскахъ, но, пожалуй, еще въ большей степени къ вопросу о подчиненіи финскихъ войскъ въ какомъ либо отношеніи русскимъ военнымъ учрежденіямъ. Личный составъ этихъ учрежденіи не можетъ быть подобранъ такимъ образомъ, чтобы на особенныя условія Финляндіи обращалось должное вниманіе, и чиновники русскихъ военныхъ учрежденій могли бы только поверхностно

ознакомляться съ нашими законами и общественнымъ строемъ. Каждый разъ, когда такой чиновникъ сталъ-бы разсматривать дѣла, касающіяся финскихъ войскъ, приходилось бы опасаться недоразумѣній; а такъ какъ къ подобнымъ недоразумѣніямъ часто примѣшивалось бы личное честолюбіе, то въ результатѣ навѣрное получались бы столкновенія, весьма нежелательныя съ точки зрѣнія поддержанія дружественныхъ отношеній.

Въ нашихъ основныхъ законахъ содержится постановленіе, согласно которому финляндскія правительственныя должности могутъ замѣщаться исключительно финляндскими уроженцами; точно также лишь финляндскіе граждане могутъ занимать офицерскія должности въ финскихъ войскахъ и финскихъ военныхъ учрежденіяхъ. Имѣя въ виду сказанное выше, мы не можемъ не признать, что это постановленіе, также съ точки зрѣнія общеимперскихъ интересовъ, вполнѣ согласно съ принципами мудрой и дальновидной политики. Въ нашемъ уставѣ о воинской повинности допущено одно изъятіе изъ этого основного положенія: всеподданнѣйшій докладъ по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся финскихъ войскъ, поручается русскому военному министру; въ виду практическихъ результатовъ этого опыта, едва ли желательно дѣлать новый шагъ въ томъ же направленіи. Очевидно, требовали слишкомъ мно-

гого, когда полагали, что русскій военный министръ, — въ рукахъ котораго сосредоточено управленіе величайшей арміи міра и который обремененъ и другими дѣлами, — можетъ въ то же время въ достаточной степени ознакомиться съ законами Финляндіи. Вслѣдствіе этого онъ оказался въ положеніи, навѣрно весьма непріятномъ для него самого: подъ вліяніемъ неотвѣтственныхъ совѣтниковъ и тенденціознаго воздѣйствія постороннихъ лицъ, военный министръ подвергается постоянной опасности попасть въ заблужденіе по вопросу о содержаніи этихъ законовъ и предѣлахъ власти, предоставленной ему по отношенію къ Финляндіи. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, озаботиться, чтобы канцелярія военнаго министра по дѣламъ финскихъ войскъ получила такую организацію, чтобы эти неудобства до нѣкоторой степени могли быть устранены. Отсутствіе финляндскаго юрисконсульта, основательно знакомаго съ государственнымъ правомъ Финляндіи, навѣрно неоднократно чувствовалось докладчикомъ канцеляріи.

Намъ кажется, что изъ сказаннаго съ достаточной ясностью видно, что для сейма было бы невозможно принять на свою отвѣтственность измѣненіе основныхъ законовъ въ указанномъ направленіи, измѣненіе, которое было бы столь

же пагубно для автономіи Финляндіи, какъ и для укрѣпленія чувства солидарности между обоими соединенными народами.

Кажущаяся и дѣйствительная равноправность.

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 9 окт. 1898 г. № 274 А.

Неоднократно, съ точки зрѣнія уравненія въ правахъ, возбуждался въ русскихъ газетахъ вопросъ о необходимости допущенія въ финскія войска офицеровъ изъ русскихъ подданныхъ, причемъ указывалось, что принимаются же офицеры изъ финляндцевъ на службу въ русскія войска. Но лишь при поверхностномъ взглядѣ на дѣло этотъ мотивъ можетъ быть признанъ уважительнымъ. Установленіе такого рода равноправности не отвѣчаетъ требованіямъ справедливости. Въ настоящее время не болѣе 300 нашихъ соотечественниковъ разбросаны среди 40-тысячнаго офицерскаго состава русской арміи. Они тамъ лишь капля въ морѣ и потому нисколько не могутъ нарушать національнаго

единства русскаго офицерскаго корпуса. Прибавимъ, что финляндцы, состоящіе на русской службѣ, руководствуются золотымъ правиломъ сообразоваться съ нравами и съ законами страны, которая оказываетъ имъ гостепріимство. Что Россія принимаетъ ихъ на службу, объясняется очевидно тѣмъ, что она находитъ это для себя полезнымъ; само собой разумѣется, что это дѣлается не изъ желанія предоставить имъ или Финляндіи какія либо преимущества. И если эта польза будетъ когда нибудь признана слишкомъ незначительною, то Россія имѣетъ полную возможность преградить финляндцамъ доступъ въ свои войска. Съ точки зрѣнія справедливости ничего нельзя было бы возразить противъ такой мѣры, хотя можно бы сомнѣваться въ ея практическомъ значеніи, въ виду малочисленности финляндцевъ, служащихъ въ Россіи.

Совсѣмъ иначе было бы, если бы въ финскія войска открытъ былъ свободный доступъ офицерамъ изъ русскихъ подданныхъ. Въ финскихъ войскахъ всего около 300 офицеровъ. Допущеніе офицеровъ изъ русскихъ подданныхъ повело бы за собой всѣ неудобства, которыя нами указаны были въ предыдущей статьѣ, и уничтожило бы однородность войска. Эти послѣдствія наступили бы и въ томъ случаѣ, если число русскихъ подданныхъ, поступающихъ на финскую службу, составляло бы даже

незначительную долю финляндцевъ, находящихся на русской службѣ. Неудобныя послѣдствія еще *болѣе* усиливались *бы* столь *бросающимся* въ глаза различіемъ въ характерѣ той и другой народности. Мы отнюдь не хотимъ умалять хорошо извѣстнаго служебнаго усердія и добросовѣстности русскихъ офицеровъ и отлично знаемъ, что въ Россіи найдется множество лицъ, способныхъ освоиться со взглядами иной народности и сообразоваться съ обычаями другаго края. Но въ разсматриваемомъ случаѣ не могло бы быть рѣчи о другомъ выборѣ кромѣ обусловливаемаго внѣшними, чисто формальными требованіями. Между тѣмъ нельзя отрицать, что въ общемъ существуетъ значительное различіе между взглядами русскихъ и финляндцевъ на правовой порядокъ, а также на святость закона и на его отношеніи къ личному мнѣнію. Лучшимъ доказательствомъ вѣрности нашего мнѣнія служатъ *нападки извѣстной части* русской печати на нашу родину и то важное значеніе, которое этимъ нападкамъ придаетъ большая часть русскаго общества.

Все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ тому, — чего и нельзя отрицать при безпристрастной оцѣнкѣ, — что то, что при первомъ взглядѣ кажется равноправностью, въ сущности является прямою ея противоположностью.

Если смотрѣть на вопросъ съ чисто практической точки зрѣнія, то нельзя не признать, что право поступленія въ финскія войска можетъ имѣть дѣйствительное значеніе лишь для незначительнаго числа русскихъ, а именно для сыновей такихъ русскихъ, которые навсегда водворились въ нашей странѣ и которые желаютъ здѣсь-же устроить своихъ дѣтей. Для ихъ удобства не требуется однако спеціальнаго законодательства; имъ слѣдуетъ лишь сдѣлать своихъ дѣтей финляндскими гражданами, чтобы открыть имъ доступъ не только въ офицерскія, но и въ другія должности въ краѣ. На самомъ дѣлѣ они часто такъ и поступаютъ.

Что-же наконецъ касается вопроса о предоставленіи проживающимъ въ Финляндіи русскимъ подданнымъ возможности отбывать воинскую повинность въ финскихъ войскахъ, то здѣсь нужно замѣтить, что этотъ вопросъ особаго практическаго значенія имѣть не можетъ, затрогивая интересы лишь немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Мы полагаемъ, что можно безъ особыхъ затрудненій прійти къ практическому разрѣшенію этого вопроса въ положительномъ смыслѣ, насколько только съ русской стороны не встрѣтится принципіальныхъ возраженій въ виду существующаго различія въ срокахъ службы. Впрочемъ, врядъ-ли особенно нужны мѣропріятія въ этомъ направленіи, разъ въ краѣ квартируютъ русскія войска; было бы, повидимому, весьма легко пред-

ставить проживающимъ въ Финляндіи русскимъ возможность отбывать воинскую повинность именно въ русскихъ войскахъ, расположенныхъ въ Финляндіи.

Сроки службы въ постоянныхъ войскахъ.

Статья газеты »Nya Pressen« отъ 11 окт. 1898 г., № 276.

Главная тягость воинской повинности несомнѣнно падаетъ на лицъ, привлекаемыхъ къ обязательный службѣ въ постоянныхъ войскахъ. По этому уже сеймъ 1877 года затруднялся установить общій 3-хъ лѣтній срокъ службы въ этихъ войскахъ; столь продолжительный срокъ однако былъ установленъ сеймомъ въ видахъ успѣшности военной подготовки. Опытъ доказалъ, что сеймъ вѣрно оцѣнилъ, какую значительную жертву времени приноситъ населеніе при столь продолжительномъ срокѣ службы; мнѣніе же сейма о необходимости столь долгаго срока для подготовки солдатъ не оправдалось существующими обстоятельствами, а потому по-

слѣдній сеймъ и ходатайствовалъ о сокращеніи срока службы до двухъ лѣтъ. Теперь предполагается удлинить срокъ службы съ 3 до 5 лѣтъ, причемъ въ пользу этого измѣненія не приводится, однако, никакихъ фактическихъ данныхъ.

Въ дѣйствительности, всюду замѣчается стремленіе къ постепенному сокращенію срока службы въ мирное время. Такимъ образомъ этотъ срокъ службы въ Россіи, при первоначальномъ введеніи тамъ воинской повинности въ 1874 г., опредѣленъ было въ 6 лѣтъ, во 80-хъ годахъ онъ былъ сокращенъ до 5 лѣтъ и уже съ нѣкотораго времени фактически составляетъ лишь 4 или вѣрнѣе $3^2/_3$ года. Дальнѣйшее пониженіе срока службы въ Россіи до трехъ лѣтъ, слѣдовательно, можно считать не только возможнымъ, но даже и вѣроятнымъ. Не пройдетъ, быть можетъ, какихъ либо десять лѣтъ какъ и Россія, слѣдуя примѣру остальной Европы, рѣшится на подобный шагъ. Для уроженцевъ Кавказа изъ осетинъ уже и въ настоящее время установленъ лишь 3-лѣтній срокъ службы. — Во Франціи срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ въ 1872 г. опредѣленъ былъ въ 5 лѣтъ, но въ 1890 г. былъ сокращенъ до 3 лѣтъ. Въ Германіи срокъ этотъ до 1893 г. составлялъ 3 года, но тогда уменьшенъ былъ до всего 2 лѣтъ — примѣръ, которому несомнѣнно черезъ болѣе

или менѣе продолжительное время послѣдують остальныя «страны трехлѣтки».

Причины этого общаго явленія, постепеннаго сокращенія срока дѣйствительной службы, — двоякаго рода. Съ одной стороны стараются облегчить воинскую повинность для гражданъ, а съ другой — стараются увеличить контингентъ вполнѣ обученныхъ людей. Чѣмъ короче срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ, тѣмъ большая часть мирнаго состава ежегодно зачисляется въ запасъ и замѣняется новыми людьми. Сокращая срокъ службы въ постоянныхъ войскахъ, страна приближается къ идеалу общей воинской повинности, состоящей въ одинаковой обязанности всѣхъ принимать участіе въ оборонѣ отечества; при сокращеніи срока службы бо́льшее число гражданъ проходитъ черезъ ряды войскъ и различіе въ отбываніи повинности становится въ глазахъ призванныхъ на службы и отъ нея освобожденныхъ менѣе вопіющимъ.

Удлиненіе срока службы для Финляндіи явилось бы поэтому мѣропріятіемъ, идущимъ прямо въ разрѣзъ съ тѣмъ направленіемъ, въ которомъ развиваются современныя системы обороны во всѣхъ странахъ, не исключая и Россіи. Не можетъ эта мѣра мотивироваться и тѣмъ соображеніемъ, будто нынѣшній срокъ службы у насъ необыкновенно коротокъ. Мы говорили уже, что во Франціи срокъ службы равенъ 3, а въ Гер-

маніи — 2 годамъ; въ Австріи и Венгріи онъ составляетъ 3 года; въ Италіи 2—3 года, и лишь для кавалеріи 4 года; въ Испаніи, Португаліи и Румыніи — 3 года; въ Болгаріи, Сербіи и Греціи — лишь 2 года. Этимъ перечисленіемъ исчерпываются всѣ тѣ европейскія государства, которыя болѣе или менѣе близко примкнули къ принятому великими державами такъ сказать агрессивному типу воинской повинности. Мелкія государства средней и сѣверной Европы построили свои системы обороны на началахъ, нѣсколько различающихся другъ отъ друга. Всѣ они однако имѣютъ между собой то общее, что болѣе или менѣе отличаются отъ принятаго великими державами типа; это сдѣлано именно съ цѣлью возможнаго сокращенія обязательной для граждань военной службы въ мирное время, независимо отъ того, основана ли система народной обороны на комбинаціи вербовки и воинской повинности, или проникнута болѣе или менѣе опредѣленнымъ стремленіемъ къ милиціонному устройству.

Не только примѣръ другихъ странъ, но и собственный опытъ ясно доказали, что нынѣ существующій срокъ службы въ постоянныхъ войскахъ у насъ слишкомъ продолжителенъ, а отнюдь не слишкомъ коротокъ. Во время послѣднихъ маневровъ подъ Петербургомъ русскіе военные авторитеты имѣли возможность убѣдиться

въ томъ, что трехлѣтній срокъ совершенно достаточенъ для военной подготовки. Результаты, достигнуты нашими войсками въ отношеніи напр. стрѣльбы, служать также подтвержденіемъ сказанному. Въ финскихъ войскахъ весьма распространено убѣжденіе, что уже 3-ій годъ службы весьма непроизводителенъ съ точки зрѣнія военной подготовки; но за то этотъ-же годъ приводитъ многихъ подъ арестъ и на гауптвахту. Удлиненіе срока службы, вѣроятно, лишь усилило бы нравственную опасность казарменной жизни для молодежи.

Наконецъ, при сравненіи сроковъ службы у насъ и въ Россіи не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что уровень образованія лицъ, подлежащихъ воинской повинности въ Финляндіи, въ общемъ, нѣсколько выше, чѣмъ въ Россіи, а именно число совершенно безграмотныхъ у насъ составляетъ лишь 3,5 %, между тѣмъ какъ въ Россіи оно достигаетъ приблизительно 65 %. Уже одно это обстоятельство само по себѣ можетъ объяснять различіе въ продолжительности срока: высшая степень образованности даетъ право на сокращеніе срока службы.

Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что вѣскіе доводы существуютъ лишь въ пользу сокращенія срока службы въ постоянныхъ войскахъ, а отнюдь не въ пользу его удлиненія.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что увеличеніе срока службы въ дѣйствующихъ войскахъ до пяти лѣтъ имѣло бы своимъ послѣдствіемъ усиленіе эмиграціи наиболѣе работоспособной части населенія; а это, въ свою очередь, повело бы къ уменьшенію числа рабочихъ рукъ и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ промышленности.

Финляндія и оборона имперіи.

Статья газеты „Nya Pressen" отъ 9 и 10 ноября 1898 г. №№ 305 и 306.

Нѣкто С. К. попытался на страницахъ «Новаго Времени» возражать на статьи финляндскихъ газетъ относительно вопроса о воинской повинности. «Въ финляндскихъ газетахъ, говоритъ онъ, одна статья продолжаетъ слѣдовать за другой по вопросу о воинской повинности. По массѣ опроверженій можно бы съ перваго взгляда подумать, что русская комисія составила что то особенно чудовищное по своей нелѣпости.» С. К., разумѣется, выступаетъ противъ такого предположенія, полагая, что коммиссія эта имѣла въ виду лишь общеимперскіе интересы. Онъ, однако, не признаетъ, чтобы финляндскій сеймъ въ 1877 году обратилъ должное вниманіе на эти инте-

ресы. Это С. К. считаетъ доказаннымъ, такъ какъ сеймъ высказался противъ высылки финляндскихъ войскъ на отдаленные театры войны внѣ страны и провелъ тотъ принципъ, что Финляндія должна участвовать въ оборонѣ всей имперіи путемъ обороны собственной территоріи.

Далѣе С. К. утверждаетъ, что исключеніе изъ устава о воинской повинности всѣхъ тѣхъ статей, которыя приравнены по своему значенію къ основнымъ законамъ, должно съ военной и съ государственной точки зрѣнія принести пользу общему дѣлу защиты имперіи, но въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ ничего не приводитъ. Мы уже ранѣе доказывали, что упомянутыя статьи не представляютъ никакого препятствія для военной подготовки войскъ и для управленія ими или же для необходимаго единообразія организаціи. — Съ финляндской стороны противъ исключенія этихъ статей приводится возраженіе, что сеймъ не можетъ содѣйствовать уничтоженію права народа участвовать въ установленіи главныхъ началъ военной организаціи страны или ограниченію его права самообложенія. Это возраженіе С. К. оставляетъ безъ отвѣта. Онъ ограничивается тѣмъ, что увѣряетъ, что никто не хочетъ посягать на конституцію Финляндіи, забывая, что завѣренія отдѣльныхъ лицъ въ подобныхъ вопросахъ равно ничего не значатъ, разъ они не опираются на доказательства.

Наконецъ С. К. высказываетъ мнѣніе, будто-бы культурное превосходство Финляндіи надъ Олонецкой и Архангельской губерніями главнымъ образомъ вызывается тѣмъ, что Финляндія должна была нести меньшее военное бремя. Когда же съ русской точки зрѣнія нашли, какъ онъ полагаетъ, что Финляндія не должна долѣе пользоваться средствами обороны «насчетъ этихъ губерній», но должна соразмѣрно съ числомъ своего населенія нести одинаковое военное бремя какъ и Россія, то «культурные финляндцы», по словамъ автора, «подняли крикъ на весь культурный міръ, утверждая, что Финляндію хотятъ разорить».

Мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи доказать всю несостоятельность политическихъ разсужденіи господина С. К.

Что же касается «общеимперскихъ интересовъ» — этотъ вопросъ мы, впрочемъ, уже и раньше разсматривали, — то слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что мотивы, которые приводилъ сеймъ 1877 года въ подкрѣпленіе мнѣнія о томъ, что задачей финскихъ войскъ является оборона Финляндіи, съ чѣмъ связано и участіе въ защитѣ имперіи, и на которые С. К. такъ негодуетъ — что эти мотивы входили въ отвѣтъ сейма на предложеніе Его Величества. Разъ Императоръ Александръ II рѣшился утвердить принятый сеймомъ уставъ о воинской повинности, то онъ несомнѣнно былъ убѣжденъ въ основательности

упомянутыхъ мотивовъ и признавалъ цѣлесообразность ихъ и соотвѣтствіе ихъ съ интересами всей имперіи. Такое отношеніе имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что и тогда вѣдь не было недостатка въ людяхъ, которые, возбуждая его опасенія, старались вселить въ немъ другое убѣжденіе. Финляндскій сеймъ, стало быть, въ этомъ вопросѣ соблюдалъ интересы всей имперіи въ одинаковой степени, какъ Императоръ Александръ II, а большаго кажется трудно отъ него и требовать. Изъ преній сейма 1877—78 гг. и сейма 1888 г., на которомъ обсуждался вопросъ объ организаціи финской кавалеріи, ясно видно, что точка зрѣнія, съ которой сеймъ смотрѣлъ на вопросъ о реорганизаціи финскихъ войскъ, объяснялась главнымъ образомъ именно тѣмъ соображеніемъ, что долгъ ихъ страны по отношенію къ имперіи и къ интересамъ ея обороны требовалъ такой реорганизаціи. Финляндія сама по себѣ не имѣла и, понятно, не можетъ имѣть враговъ; для этого она расположена слишкомъ въ сторонѣ отъ международной политической арены. Врагами ея могли бы быть лишь тѣ, вражда которыхъ вызывается фактомъ соединенія этого края съ имперіей. И такъ какъ сеймъ сознавалъ, что изъ этого факты вытекали извѣстныя обязанности, которыя онъ долженъ былъ имѣть въ виду при реорганизаціи военной силы края, то онъ въ этомъ вопросѣ по своему край-

нему разумѣнію прежде всего руководился именно обще-имперскими интересами. Но ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ упрекнуть земскіе чины Финляндіи за то, что они не хотели отречься отъ своего права провѣрить, насколько предъявленныя требованія вызывались объективными обще-имперскими интересами или же лишь какими либо субъективными и измѣнчивыми мнѣніями отдѣльныхъ фракцій и лицъ. Поступить иначе для сейма значило бы подписать актъ отреченія отъ автономіи края.

Хотя повидимому «С. К.» этого не понимаетъ, однако очевидно, что установленный въ нашемъ уставѣ о воинской повинности принципъ, что Финляндія должна участвовать въ защитѣ имперіи, защищая свой край, отнюдь не противорѣчитъ интересамъ всей имперіи. Девяностолѣтній опытъ и въ особенности опытъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ доказываютъ справедливость этого мнѣнія. Мнѣніе противоположное до сихъ поръ не было доказано, да и не могло быть доказаннымъ. А между тѣмъ первымъ условіемъ для всякаго измѣненія всего давно существовавшаго и испытаннаго, должно быть представленіе доказательства его нецѣлесообразности.

На самомъ же дѣлѣ вышеприведенный принципъ гарантируетъ самое успѣшное пользованіе финскими войсками, такъ какъ они, какъ въ 1809 и 1877 годахъ заявлялъ сеймъ, есте-

ственно приносятъ наибольшую пользу, обороняя свою собственную страну. Было-бы чѣмъ то искусственнымъ посылать финляндскія войска или отдѣльныхъ солдатъ въ Россію, между тѣмъ какъ въ тоже время считалось бы нужнымъ присылать сюда русскія войска, т. е. удалять и ихъ отъ ихъ родины въ непривычныя для нихъ условія. Территоріальная система комплектованія, т. е. система, по которой новобранцы оставляются отбывать воинскую повинность на своей родинѣ, представляетъ значительныя преимущества, говорится въ курсѣ, изданномъ въ 1892 г. для русской академіи генеральнаго штаба. Тамъ, гдѣ примѣняется эта система, тамъ каждая часть войскъ составляется изъ земляковъ и потому является болѣе сплоченною, причемъ солдаты не отрываются далеко отъ своихъ семействъ. Когда «послѣ войны 1866 года, одною изъ главныхъ цѣлей преобразованія австрійской арміи было поставлено поднятіе ея духа, одною изъ самыхъ важныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ явилось установленіе территоріальнаго способа комплектованія . . . Для австро-венгерской арміи онъ имѣетъ совершенно особое значеніе, такъ какъ связываетъ каждую часть съ данною мѣстностью, съ родиною чиновъ, ее составляющихъ, т. е. даетъ именно тотъ нравственный стимулъ, котораго не доставало въ прежнее время».

Финляндія не представляетъ изъ себя какого либо исключенія по отношенію къ вышесказанному руководящему началу, положенному въ основу ея военной организаціи и выраженному въ дѣйствующемъ уставѣ о воинской повинности. Великобританія, напримѣръ, нашла, что интересы всей имперіи лучше всего обезпечены при условіи предоставленія автономнымъ колоніямъ защиты своихъ собственныхъ территорій; поэтому было признано вполнѣ естественнымъ и справедливымъ, чтобы участіе этихъ колоній въ защитѣ всей имперіи происходило исключительно въ этой формѣ, исключая содержанія флота, которое Англія приняла всецѣло на себя. Такъ напримѣръ мы находимъ, что оборонительныя средства Канады состоятъ изъ постояннаго войска въ 1200 чел., активной милиціи въ 37000 чел. и резервной милиціи въ 655000 чел., тогда какъ Англія тамъ содержитъ лишь гарнизонъ въ 1500 чел. въ Галифаксѣ — въ виду значенія этого города, какъ опорнаго пункта для флота.

Нынѣ дѣйствующимъ закономъ о воинской повинности сеймъ имѣлъ въ виду дать войску страны организацію, которая въ мирное время была бы возможно менѣе обременительною, но при которой въ случаѣ войны это же войско могло бы быть увеличено и стать достаточнымъ для дѣйствительной обороны края, а чрезъ то и всей имперіи. Сеймъ при этомъ руководствовался

тѣмъ же идеями, которыя положены въ основаніе столь краснорѣчиваго предложенія Его Величества остановить дальнѣйшія вооруженія; въ этомъ обращеніи говорится: «охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.»

Вполнѣ невѣренъ взглядъ, будто-бы финляндцы постоянно противятся всякому справедливому и необходимому увеличенію военнаго бремени. Уже сеймъ 1877 года напротивъ того предвидѣлъ, что подобное увеличеніе въ будущемъ можетъ стать необходимостью; сеймъ имѣлъ въ виду и то, что устройство кадровъ для спеціальныхъ родовъ войскъ составляетъ необходимое пополненіе военныхъ силъ великаго княжества; иначе ему трудно будетъ вполнѣ успѣшно выполнять задачу содѣйствовать защитѣ имперіи посредствомъ защиты своей собственной страны. Этотъ вполнѣ справедливый принципъ, вытекающій изъ самаго характера автономіи страны, долженъ, по мнѣнію финляндцевъ, служить исходнымъ пунктомъ всякихъ требованій объ увеличеніи военнаго бремени Финляндіи. Финляндцы не могутъ за то признать справедливымъ и вѣрнымъ тотъ чисто формальный и абстрактный принципъ пропорціональности, на ко-

торомъ русскіе члены нѣкоторыхъ коммиссій строятъ требованія такого увеличенія.

Что касается наконецъ до утвержденія С. К., будто-бы культурное превосходство Финляндіи надъ Архангельской и Олонецкой губерніями главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что военное ея бремя легче, то такое мнѣніе заключаетъ въ себѣ конечно значительную долю преувеличенія. Но, даже допуская извѣстную степень его вѣроятности, мы лишь можемъ сказать, что оно въ такомъ случаѣ доказывало бы справедливость нашего мнѣнія, что когда вопросъ касается военнаго бремени, то нельзя мѣрить страны къ сѣверу отъ 60° сѣверн. широты на туже мѣрку, какъ страны съ лучшими природными условіями. Стало быть, изъ этого отнюдь не вытекаетъ, что военное бремя Финляндіи слѣдуетъ увеличить; наоборотъ, для ускоренія культурнаго развитія названныхъ губерній, должно быть облегчено ихъ военное бремя. Мнѣніе же, будто-бы Финляндія пользуется охраной войска насчетъ этихъ губерній есть явный non-sens. Сто шансовъ противъ одного, что никакое увеличеніе военнаго бремени Финляндіи ни на́ волосъ не уменьшило бы военную тяготу для этихъ губерній. А если-бы, паче чаянія, и въ самомъ дѣлѣ увеличеніе численности войска и бремени Финляндіи сопровождалось одинаковымъ уменьшеніемъ арміи и военныхъ расходовъ Россіи, то

уменьшеніе это во всякомъ случаѣ не превзошло бы 1 %. Архангельская и Олонецкая губерніи участвуютъ приблизительно въ размѣрѣ 3,3 на тысячу въ государственныхъ доходахъ Россіи. По этому расчету на нихъ приходится изъ военнаго бюджета Россіи около 3 милліоновъ марокъ или 4 марки на жителя; все ихъ участіе въ расходахъ равняется около 17 марокъ на жителя. Изъ этихъ губерній ежегодно набирается приблизительно 1800 новобранцевъ. Увеличеніе военнаго бремени Финляндіи, даже и еслибы оно произведено было на основаніи принципа пропорціональности, не могло бы, стало быть, и въ наивыгоднѣйшемъ случаѣ уменьшить налоговаго бремени въ этихъ губерніяхъ на большую цифру, чѣмъ, самое большое, на 4 пенни на жителя или на $^{1}/_{4}$ % и численность ежегоднаго набора изъ этихъ губерній, самое большее, на 18 человѣкъ. Между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что русская казна расходуетъ для означенныхъ губерній болѣе чѣмъ изъ нихъ получаетъ (въ 1894 г. 15 милліоновъ марокъ расхода, сравнительно съ 10 милл. мар. прихода), и потому врядъ-ли можно вообще считать, что онѣ принимаютъ какое либо участіе въ военныхъ расходахъ Россіи.

Финляндія же наоборотъ сама содержитъ все свое управленіе и администрацію и на это расходуетъ ежегодно 24 марки на жителя.

Чего требуютъ отъ чрезвычайнаого сейма.

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 21 октября 1898 г. № 286; переводъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

Было, повидимому, признано нужнымъ напомнить земскимъ чинамъ Финляндіи, что «чрезвычайному сейму предстоитъ, принявъ во вниманіе Высочайше одобренныя основныя начала и современныя требованія по объединенію арміи, — согласовать желанія и нужды своего края съ государственными пользами цѣлой имперіи».

Трудно, казалось бы, указать какой-нибудь случай, когда земскіе чины Финляндіи, при обсужденіи вопросовъ, касающихся и какого-либо общеимперскаго интереса, — не подвергали ихъ серіозному и добросовѣстному разсмотрѣнію. Какъ видно изъ преній, имѣвшихъ мѣсто на сеймовой сессіи 1877—78 гг., когда былъ принятъ нынѣ дѣйствующій уставъ о воинской повинности, — величайшее вниманіе было удѣлено общеимперскимъ интересамъ. Утверждать противное значить доказывать свое незнакомство съ тѣмъ, что происходило на этомъ сеймѣ. Всѣ рѣшительно участники сейма были исполнены убѣжденія, что во исполненіе долга предъ имперіей страна должна

была, сообразуясь со своими силами, выставить войска для защиты трона и отечества. Это войско должно было, по общему признанію, по системѣ обученія и тактической организаціи вполнѣ походить на русское. Тѣмъ не менѣе земскіе чины не могли не стараться поставить финляндское войско въ такое положеніе, которое, соотвѣтствуя автономіи Финляндіи, не вредило бы и имперскимъ интересамъ. Этимъ цѣлямъ удовлетворяетъ современное финляндское военное устройство, которое, судя по »Правительственному Вѣстнику», въ 70-ыхъ годахъ почти всѣми государственными людьми не считалось вредящимъ имперскимъ интересамъ.

Но оказывается, что теперь «опытъ раскрылъ всю ненормальность устава при оцѣнкѣ его съ точки зрѣнія современныхъ общегосударственныхъ и военныхъ требованій».

Въ этихъ видахъ къ земскимъ чинамъ нынѣ предъявляется требованіе, чтобы они оказали содѣйствіе проекту, имѣющему цѣлью не только замѣну значительнаго числа статей нашего теперешняго устава о воинской повинности соотвѣтственными статьями изъ русскаго устава, но и исключеніе изъ финляндскаго устава всѣхъ постановленій, имѣющихъ характеръ законовъ основныхъ. Такое измѣненіе сдѣлало бы возможнымъ административнымъ порядкомъ распоряжаться переводомъ финляндскихъ войскъ въ самыя отда-

ленныя мѣстности имперіи, тѣмъ-же порядкомъ установлять численность этихъ войскъ въ мирное время, съ отбываніемъ излишнимъ составомъ службы въ рядахъ русскихъ войскъ, — допускать службу русскихъ офицеровъ въ финляндскихъ войскахъ и удлинять срокъ службы. Сейму ставится, такимъ образомъ, требованіе сдѣлать ни болѣе, ни менѣе, какъ слѣдующее: онъ долженъ содѣйствовать тому, чтобы страна отказалась отъ принадлежащаго ей права автономнаго самоопредѣленія, — и отказалась отъ этого права относительно такихъ интересовъ, которые касаются жизни и смерти ея сыновъ и ея права самообложенія, т. е. ея экономическаго благосостоянія.

По ученію одного изъ нашихъ наиболѣе выдающихся писателей по государственному праву, государственная автономія, принадлежащая нашей странѣ въ дѣлахъ внутренняго управленія, покоится главнымъ образомъ на слѣдующихъ началахъ (установленныхъ «Формой правленія» 1772 года, «Актомъ соединенія и безопасности» 1789 года и «Сеймовымъ уставомъ» 1869 года): въ Финляндіи не дѣйствуютъ иные законы, кромѣ тѣхъ, которые были утверждены Императоромъ и Великимъ Княземъ въ качествѣ финляндскихъ законовъ и согласно его повелѣнію были распубликованы въ Великомъ Княжествѣ; Великое Княжество управляется согласно его основнымъ и его другимъ законамъ; Финляндія имѣетъ свои

отдѣльные финансы; земскіе чины Финляндіи, представляющіе финляндскій народъ, участвуютъ въ изданіи законовъ и въ обложеніи налогами; докладъ Императору всѣхъ гражданскихъ дѣлъ страны происходитъ черезъ финляндскаго статсъ-секретаря.

Эти принципы государственнаго права, примѣнявшіеся при управленіи Финляндіей, дали блестящіе результаты. Расположенная подъ той же широтой, какъ Олонецкая и Архангельская губерніи, эта страна, несмотря на бѣдность природы и суровость климата, отличается высокой матеріальной и духовной культурой. Никакая другая страна во всемъ свѣтѣ — кромѣ, можетъ быть, Скандинавіи — не являетъ такой высоты культуры подъ той же широтой. Не одни только иностранцы высказывали свое удивленіе такому развитію Финляндіи; были и русскіе просвѣщенные государственные люди и писатели, которые, въ разгарѣ болгарскаго вопроса, указывали на Финляндію, для подтвержденія мысли о возможности соединенія конституціонной страны съ государствомъ, управляемымъ на началахъ самодержавія, причемъ первая страна можетъ процвѣтать.

По отношенію къ Финляндіи эти выводы кажутся вполнѣ обоснованными. Но, разъ для будущаго развитія Финляндіи такъ важно сохраненіе ея національныхъ учрежденій, то не должны-ли представители нашего народа считать своимъ

священнымъ долгомъ обсудить послѣдствія отмѣны нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ конституціонныхъ принциповъ, на которыхъ основаны учрежденія страны? Не пострадаетъ-ли отъ того дальнѣйшее развитіе страны? Никто, относящійся къ дѣлу безпристрастно, не станетъ отрицать за ними этого долга.

Поэтому при предстоящемъ обсужденіи даннаго вопроса представители Финляндіи должны обсудить, насколько мобилизированіе финляндскихъ войскъ и ихъ участіе въ походахъ, не имѣющихъ чего-либо общаго съ защитой Финляндіи, — согласно съ ст. 1 устава о воинской повинности отъ 1878 года, статьею, стоящей въ ряду основныхъ законовъ. Въ этомъ отношеніи Финляндія можетъ сослаться на давній прецедентъ. Вотъ, какъ высказались земскіе чины боргоскаго сейма въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе объ организаціи мѣстнаго войска.

»При возстановленіи національныхъ военныхъ военныхъ силъ этой страны земскіе чины всеподданнѣйше выражаютъ пожеланіе, чтобы какъ нижніе чины, такъ и офицеры были бы изъ финляндскихъ гражданъ. Пылая горячей любовью къ родинѣ и связанные съ ней какъ природными узами, такъ и конституціей, — они лучше всего сами, какъ граждане и дѣти страны, могутъ взять на себя ея защиту. А такъ какъ, кромѣ того, финляндскій солдатъ, уведенный на

чужбину отъ того, что ему всего дороже, и изъ страны, которую онъ считаетъ своею, неохотно и менѣе увѣренно сталъ бы исполнять обязанности, лежащія на немъ, какъ на воинѣ, — то чины осмѣливаются всеподданнѣйше представить, не соблаговолить-ли Ваше Императорское Величество, къ вящщей радости націи, дозволить и приказать, чтобы финляндскія войска нельзя было посылать въ походы и на военныя операціи внѣ Финляндіи».

Опредѣленнаго какого-либо отвѣта Александръ I на это не далъ, но въ своемъ рескриптѣ генералъ-губернатору отъ 6 сентября 1812 года высказался въ томъ смыслѣ, что финляндскія войска, въ виду того, что защита Великаго Княжества составляетъ ихъ главную цѣль, должны выступать въ походъ, въ случаѣ если бы Финляндія и окраины у береговъ Балтійскаго моря подверглись враждебному нападенію.

Не обращая вниманія на какое-либо давленіе извнѣ, земскіе чины Финляндіи приступятъ къ обсужденію вопроса; въ какой степени въ дѣйствительности общеимперскіе интересы требуютъ измѣненія того положенія, что для защиты Престола и Отечества всякій финскій гражданинъ обязанъ отбывать воинскую повинность. И это обсужденіе будетъ тѣмъ болѣе содержательнымъ, что оно, можетъ опираться на историческіе прецеденты. Сеймъ навѣрно не оста-

вить также безъ вниманія то обстоятельство, что предоставленіе административнымъ властямъ опредѣлять численность мирнаго состава равносильно было бы упраздненію права народа устанавливать налоги; не избѣгнетъ вниманія сейма и то соображеніе, что продленіе срока воинской повинности поведетъ за собой повышеніе цифры эмиграціи и сдѣлаетъ невозможнымъ въ столь рѣдко населенной странѣ удѣлять достаточно рукъ земледѣлію и промышленности; не оставитъ сеймъ безъ вниманія и того, что переводъ финляндцевъ въ русскія войска для отбыванія воинской повинности лишитъ ихъ права, признаннаго за каждымъ финляндскимъ гражданиномъ, — быть судимымъ по финляндскимъ законамъ, лишитъ ихъ пользованія тѣмъ воспитаніемъ, которое имѣетъ въ виду мѣстная воинская повинность и подвергнетъ ихъ духовнымъ и физическимъ страданіямъ съ непредвидѣнными послѣдствіями; что предоставленіе русскимъ офицерамъ права поступать въ финляндскія войска ввело бы въ эти войска чуждый элементъ, который по недостаточному знанію нашихъ языковъ, а равно нашихъ бытовыхъ условій и народнаго характера, вызывалъ бы столкновенія и лишалъ бы войско того руководительства и воспитанія, въ которомъ оно нуждается.

Земскіе чины Финляндіи, при обсужденіи военной организаціи страны, несмотря на возра-

женія, которыя дѣлаются, навѣрно будутъ исходить изъ того предположенія, что финляндскія войска могутъ оказать имперіи существенныя услуги, при оборонѣ какъ своей страны, такъ и столицы имперіи. Благодаря оборонительнымъ силамъ Финляндіи, возможно значительно уменьшить количество войскъ, которыя Россія принуждена въ военное время отряжать для обороны своихъ границъ. Если Финляндія содержитъ собственное войско, то это даетъ возможность Россіи имѣть здѣсь и въ мирное время лишь небольшую военную силу.

Сейму придется также столкнуться съ высказаннымъ въ русской печати мнѣніемъ, что нынѣшняя военная организація Финляндіи дѣлаетъ ея войска негодными для совмѣстнаго дѣйствія съ русскими. Доказательства, при этомъ приводимыя, касаются, однако, не организаціи, а того естественнаго положенія вещей, что русскій и финляндскій солдатъ говорятъ на разныхъ языкахъ. Трудности, могущія возникнуть отсюда, которыя очень часто сильно преувеличиваются, говорятъ, однако, далеко не въ пользу дальнѣйшаго смѣшенія русскаго и финскаго элементовъ въ войскахъ, а наоборотъ. Особенно въ военное время эти трудности могутъ тѣмъ лучше быть устранены чѣмъ больше дается финскимъ войскамъ возможности дѣйствовать самостоятельно, отдѣльными отрядами. Для тѣхъ же случаевъ,

гдѣ такое смѣшеніе въ военное время оказалось бы неизбѣжнымъ, дѣло потребуетъ спеціальныхъ правилъ. Какъ и во всякомъ практическомъ дѣлѣ, такъ и въ военномъ, приходится приноравливаться къ тому матеріалу, которымъ располагаютъ, а не примѣнять схемы, выработанныя для однородныхъ войскъ, когда вопросъ касается совмѣстнаго дѣйствія войскъ неоднороднаго по языку состава. Требованіе, чтобы люди, отбывающіе воинскую повинность въ войскахъ, выучились бы чужому языку, равносильно требованію такого же знанія отъ всей націи, а это — вещь невозможная. Вѣдь и въ другихъ странахъ, особенно въ Австро-Венгріи, приходится стоять предъ той же задачей — предъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ войскъ разнороднаго по языку состава?

Если чрезвычайный сеймъ такимъ образомъ долженъ съ одной стороны самымъ серіознымъ образомъ имѣть въ виду сохраненіе военнымъ устройствомъ Финляндіи своего національнаго характера, то съ другой стороны, сеймъ будетъ считать не менѣе серіознымъ долгомъ взвѣсить требованія имперіи относительно бо́льшаго участія Финляндіи въ отбываніи воинской повинности. Финляндскій народъ навѣрно не желаетъ заслужить упрека въ томъ, что не желаетъ нести *справедливое* увеличеніе бремени, которое охрана государства налагаетъ на каждаго гражданина.

Можно быть твердо увѣреннымъ, что никакое нравственное давленіе, — съ какой бы стороны оно ни исходило, — не побудитъ чрезвычайный сеймъ идти по другому пути, чѣмъ тотъ, который указываютъ голосъ совѣсти, любовь къ Монарху и къ отечеству, а также соображенія истинной государственной пользы. Его Величество имѣетъ неоспоримое право касательно отвѣта сейма вытребовать мнѣнія у того имперскаго учрежденія, которое онъ заблагоразсудитъ избрать. Нѣтъ, однако, никого въ Финляндіи, кто на одинъ мигъ могъ бы допустить мысль, чтобы Монархъ страны, который своимъ манифестомъ подтвердилъ религію и основные законы страны, а также права и привилегіи, которыми пользуются всѣ сословія въ Великомъ Княжествѣ и всѣ его жители отъ мала до велика, захотѣлъ бы посягнуть на эти права; а такимъ посягательствомъ несомнѣнно было бы, если бы противъ воли сейма было приступлено къ измѣненію устава о воинской повинности, несмотря на то, что измѣненіе опредѣленій, на которыхъ онъ зиждется, какъ принадлежащихъ къ числу законовъ основныхъ, требуетъ согласія всѣхъ четырехъ сословій; измѣненіе же другихъ его статей — согласія трехъ сословій. Для такого нарушенія конституціи лояльнаго народа требуется предположеніе, что народъ этотъ совершилъ такія серіозныя нарушенія закона, что всякое право, присягой подтвержден-

ное этому народу, потеряло свою силу. Не таково положеніе дѣлъ въ Финляндіи. Спокойно можетъ здѣсь Монархъ полагаться на вѣрность народа, на правильность дѣйствій администраціи и на поддержаніе порядка. Ни одинъ революціонеръ не могъ указать на Финляндію, какъ на свою родину, и нигдѣ въ обширной имперіи Монархъ не пользуется большей безопасностью, какъ именно въ Финляндіи. Отсутствуетъ, поэтому, всякое оправданіе для насильственнаго измѣненія конституціи нашего края. Нашъ народъ съ безграничнымъ довѣріемъ привыкъ смотрѣть на своихъ Монарховъ, какъ на могущественныхъ защитниковъ его основныхъ правъ. Въ началѣ этого столѣтія, когда корсиканскій завоеватель силой попиралъ всякія права, — Финляндія получила изъ рукъ Александра I конституцію, которая съ той поры свято соблюдалась его преемниками. Теперь, въ послѣдніе часы XIX столѣтія, не будутъ же покинуты благородныя традиціи русскаго правительства по отношеніи къ Финляндіи, — не будутъ покинуты Монархомъ, выступившимъ глашатаемъ вѣчныхъ «началъ права и справедливости?»

Нашъ „сепаратизмъ."

Статья газеты „Nya Pressen" отъ 12 октября 1898 года, № 277; переводъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

Рядомъ статей подъ разными заглавіями мы подвергли анализу наиболѣе важные изъ проектовъ измѣненій нынѣ дѣйствующаго у насъ устава о воинской повинности, и изъ этого анализа вывели заключеніе, что никакія существенныя измѣненія въ этомъ уставѣ не могутъ быть проведены безъ нарушенія сущности системы воинской повинности въ Финляндіи, коею имѣлось въ виду созданіе военной организаціи на началахъ національныхъ, согласно съ обезпеченной нашей странѣ автономіею. Главнымъ образомъ, благодаря національному своему складу, наша военная организація можетъ считаться достаточно сильною для полнаго удовлетворенія государственныхъ нуждъ при защитѣ имперіи отъ нападеній непріятельской державы со стороны финляндской территоріи.

Извѣстныя русскія газеты, вѣрныя своей привычкѣ. заклеймили выраженное заявленіе словомъ финляндскаго »сепаратизма». А сепаратизмъ. — толкуютъ онѣ, долженъ быть разъ — навсегда уничтоженъ съ корнемъ.

Что же подразумѣваютъ эти газеты подъ »финляндскимъ сепаратизмомъ?» Повидимому, онѣ предполагаютъ, что здѣсь существуетъ стремленіе изолировать себя отъ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, и что это стремленіе ведетъ къ затаенному намѣренію дѣйствовать сообща съ имѣющимъ вторгнуться сюда непріятелемъ, дабы такимъ образомъ отдѣлить Финляндію отъ Имперіи. Такимъ образомъ, согласно этому мнѣнію, финляндскіе сепаратисты носятся съ планами, которые сводятся не болѣе и не менѣе, какъ къ государственной измѣнѣ.

Объясненіе этого взгляда, свидѣтельствующаго о незнаніи ни нашего національнаго характера, ни существующихъ условій здѣшняго быта, слѣдуетъ, несомнѣнно, искать въ томъ, что Финляндія, несмотря на почти вѣковое соединеніе съ Россіею, представляетъ собою картину не только отличной отъ нея культуры, но и устройства, гдѣ права Монарха ограничены участіемъ земскихъ чиновъ въ законодательствѣ и установленіи налоговъ, и гдѣ начало самоуправленія получило сравнительно широкое примѣненіе. Одно то, что Финляндія — не Россія, казалось многимъ поверхностнымъ наблюдателямъ столь крупною несообразностью, что они безъ колебаній предлагали даже насильственное объединеніе, дабы положить конецъ »сепаратизму», въ которомъ усматривали зачатки преступности,

съ ихъ точки зрѣнія политическаго и національнаго единства.

Это мнѣніе, распространяемое многочисленными органами русской печати въ теченіе ряда лѣтъ съ точки зрѣнія мнимаго государственнаго интереса, доказываетъ близорукость и неспособность пониманія сущности настоящаго вопроса. Финляндія — не Россія и не можетъ быть ею, поскольку имѣется газетами въ виду, чтобы нашъ народъ пожертвовалъ своею индивидуальностью какъ въ національномъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ во имя сліянія ея воедино съ русскимъ народомъ. Въ этомъ смыслѣ всякій, если угодно, въ нашей странѣ, — »сепаратистъ«. Но этотъ сепаратизмъ есть, такъ сказать, сепаратизмъ культурный, основанный на законѣ и правѣ. Главною опорою ему служитъ дальновидная политика, какою руководствовались по отношенію къ нашему краю Россійскіе Монархи, начиная отъ Александра I.

О значеніи политической системы, которой придерживались этотъ Монархъ и Его преемники по отношенію къ Финляндіи слѣдуетъ судить по плодамъ, принесеннымъ ею. При присоединеніи Финляндіи къ Россійской державѣ разрѣшенію Александра I представлялся вопросъ, возможно ли будетъ сліяніе нашего народа въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ съ русскимъ, или не слѣдуетъ ли также на будущее время

руководить его развитіемъ въ направленіи, указанномъ исторіей. Онъ не колебался въ выборѣ, ибо предвидѣлъ, что, даруя Финляндіи политическую автономію. Онъ крѣпчайшими узами, — узами благодарности и довѣрія, — привлечетъ къ Россіи «завоеванную окрайну» и такимъ образомъ пріобрѣтетъ оплотъ столицѣ имперіи. Такое мнѣніе нашло себѣ полное оправданіе.

Населеніе Финляндіи, пользующееся издавна народною свободою, отличное отъ Россіи по характеру, по обычаямъ, по языку и по религіи, образовало собою народную индивидуальность. Насильственная попытка пересоздать его явилась бы съ общечеловѣческой точки зрѣнія прегрѣшеніемъ, послѣдствіемъ котораго, безъ пользы для Россіи, была бы погибель культуры, созданной нашимъ народомъ при наиболѣе тяжкихъ внѣшнихъ условіяхъ. Великодушный Монархъ былъ въ этомъ отношеніи слишкомъ проницателенъ. чтобы склониться къ образу дѣйствій, который навсегда набросилъ бы тѣнь на Его память. Онъ, наоборотъ, утвердилъ религію, законы и государственное устройство нашей страны, словомъ — автономію ея, которая, получивъ дальнѣйшее утвержденіе и дополненіе при Его преемникахъ, стала основаніемъ и исходною точкою того прогресса, которому мы могли радоваться въ теченіе настоящаго столѣтія. Соединеніе съ Россіею даровало намъ миръ, внѣшнее спокойствіе и вну-

треннюю самостоятельность, сдѣлавшіе возможнымъ такое развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ, о которомъ раньше не смѣли и мечтать въ нашей странѣ.

Было бы вопіющею неблагодарностью не признать открыто долга, который въ этомъ отношеніи лежитъ на насъ по отношенію къ Россіи и ея Монархамъ. Каждый гражданинъ нашей страны вполнѣ сознаетъ это. Но пусть съ русской стороны не ставятъ намъ въ упрекъ, что мы оберегаемъ заботливо національный характеръ нашихъ учрежденій, обусловливающихъ возможность существующей здѣсь культуры. Особенно близокъ нашему сердцу національный характеръ нашей военной организаціи, основанной на началахъ всесословной воинской повинности, такъ какъ она захватываетъ самыя основы народной жизни и касается драгоцѣннѣйшихъ ея интересовъ. Пересозданіе этой организаціи должно имѣть наиболѣе роковыя послѣдствія для обезпеченныхъ каждому финляндцу гражданскихъ правъ и личной свободы. Когда обвиняютъ насъ въ сепаратизмѣ, какъ въ чемъ-нибудь преступномъ, за то, что мы лояльно оберегаемъ свои законы, то забываютъ, что обвиненіе должно прежде всего пасть на того Монарха, который впервые утвердилъ права Финляндіи и отнесъ нашъ народъ »къ числу народовъ», а затѣмъ на Его преемниковъ, которые подтверждали и расширяли эти права.

При этомъ мы не упускаемъ изъ вида вновь обращенной къ намъ на-дняхъ инсинуаціи со стороны нашихъ антагонистовъ, заключающейся въ томъ, что большинство законовъ, устанавливающихъ автономію Финляндіи, получило утвержденіе лишь путемъ хитрости и обмана со стороны нашихъ государственныхъ дѣятелей. Такія заявленія нельзя не признать обидою, оскорбительною какъ для нашего народа, такъ и для Монарховъ, которые будто позволяли ввести Себя въ обманъ. Что осталось бы отъ святости закона, какую цѣну имѣло бы торжественно утвержденное уложеніе, если бы дѣйствительность его могла быть подвергнута сомнѣнію первымъ встрѣчнымъ, заявившимъ, что оно осуществилось путемъ обманнаго дѣйствія? О значеніи этой инсинуаціи можно, впрочемъ, судить по тому, что эти «обманы» производились въ то время, когда русскіе генералъ-губернаторы стояли во главѣ администраціи Финляндіи; когда русскимъ министерствамъ сообщались всѣ болѣе важныя дѣла: когда всѣ рѣшенія утверждены Собственноручною подписью Государя; когда сеймы публично обсуждали вопросы; когда газеты посвящали имъ статьи и законы и постановленія опубликовывались во всеобщее свѣдѣніе.

Для насъ названіе «сепаратистъ» не есть бранное слово, поскольку этимъ имѣется въ виду упорное сохраненіе нашей внутренней автономіи,

коимъ обусловливалась для нашего народа возможность распространенія культуры въ полярной странѣ, принесшей и имѣющей принести большую пользу русской государственности, чѣмъ какое-либо принудительное законодательство. Ибо между народами, какъ и между отдѣльными личностями узы скрѣпляются чувствами благодарности и уваженія, сознаніемъ взаимныхъ выгодъ, а не недовѣріемъ и насиліемъ.

Намъ возражали, что за стремленіемъ сохранить нашу автономію кроется затаенния мысль, — окончательное отторженіе нашей страны отъ Россіи. Послѣ девяностолѣтняго безупречнаго исполненія обязательствъ, возложенныхъ на насъ соединеніемъ съ имперіею, встрѣтить такое подозрѣніе не можетъ не показаться оскорбительнымъ для народа, каждый членъ котораго знаетъ, что такая мысль чужда ему главнымъ образомъ потому, что вѣрноподданническій долгъ его зиждется на болѣе глубокомъ этическомъ основаніи, чѣмъ насиліе.

Когда въ 1812 году на Россію напалъ Наполеонъ, финляндскіе граждане вызвались, несмотря на то, что Финляндія послѣ войны 1808—1809 годовъ временно освобождена была отъ повинности призыва поселеннаго войска, открыть всенародную подписку на сформированіе финляндской національной милиціи. Изъ войскъ, сформированныхъ въ 1812 году въ Финляндіи

для защиты края, Александръ I призвалъ нѣкоторыя для несенія гарнизонной службы въ С.-Петербургѣ, гдѣ ощущался недостатокъ въ русскихъ войскахъ по случаю войны. Довѣріе къ лояльности покореннаго народа, проявленное этимъ поступкомъ великодушнаго Монарха, должно вызвать удивленіе, если вспомнить степень силы связи, только три года тому назадъ прерванной между Финляндіею и прежнею метрополіею. Это довѣріе было оправдано финляндцами. Но теперь когда отъ старинныхъ узъ остались лишь чисто культурныя точки соприкосновенія; когда наше развитіе съ вновь подросшими поколѣніями стало идти по инымъ, самостоятельнымъ направленіямъ; когда сознаніе значенія для прогресса Финляндіи отъ соединенія съ Имперіею стало яснымъ для каждаго, — теперь, послѣ девяностолѣтняго мирнаго развитія, станетъ-ли нашъ народъ, гоняясь за обманнымъ призракомъ, носиться съ заднею мыслью нарушать долгъ вѣрноподданства при первомъ удобномъ случаѣ? Представляетъ-ли такое подозрѣніе собою что-нибудь разумное?

Для лучшихъ элементовъ Россіи, — въ этомъ мы попрежнему увѣрены, — предположенія о лишеніи Финляндіи ея автономіи съ цѣлью предупредить, дабы не быть предупрежденнымъ, должны представиться абсурдомъ, чтобы не сказать — преступною затѣею, даже для собственныхъ интересовъ Россіи. Процвѣтаніе Финлян-

діи подъ покровительствомъ Россіи, лояльное сохраненіе правъ, нѣкогда ей обезпеченныхъ, дали одному изъ великодушнѣйшихъ государственныхъ людей нашего столѣтія, Гладстону, поводъ поставить эту всемірную державу въ ея отношеніи къ нашей странѣ примѣромъ для другихъ современныхъ государствъ. Въ такомъ признаніи политическаго противника содержится побѣда высшаго порядка, чѣмъ та, которая одерживается на полѣ брани. Повиновеніе, основанное на силѣ, принудительно. Уваженіемъ пользуется лишь та политика, которая неуклонно преслѣдуетъ «принципы права и справедливости». Пріобрѣтеніе уваженія народовъ путемъ такой политики должно имѣть большую цѣну, даже для наиболѣе сильной изъ державъ, чѣмъ воззванія къ исключительному національному чувству съ цѣлью нарушенія правъ слабѣйшаго, — воззванія, которыя продолжаютъ дѣлать публицисты и писатели безъ чувства отвѣтственности и поэтому безъ уваженія къ требованіямъ права и справедливости.

Живетъ-ли Финляндія на счетъ Россіи?

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 19 окт. 1898 г., № 284; переводъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

— —

За послѣднее время въ «Новомъ Времени» снова появились статьи на старую тему о томъ, будто Финляндія живетъ на счетъ Россіи. Насколько на самомъ дѣлѣ шатки доказательства, приводимыя газетой, — легко увидѣть изъ нижеслѣдующаго.

Неоспоримой экономической истиной является то положеніе, что народы, какъ члены одного великаго организма, уже съ чисто экономической точки зрѣнія, стоятъ въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга. Пониженіе благосостоянія въ одной странѣ непосредственно дѣйствуетъ невыгодно на всѣ другія страны, съ которыми страна эта находится въ какихъ-либо торговыхъ сношеніяхъ. Съ другой стороны, для данной страны всякое повышеніе благосостоянія въ сосѣдней странѣ является источникомъ большого обмѣна товаровъ, а поэтому большей прибыли и большого народнаго богатства. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія можно сказать, что народы живутъ на счетъ другъ друга. Но

при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ народы взаимно являются и потребителями, и производителями. Поэтому было бы совершенно неосновательно утверждать, будто какой-нибудь народъ извлекаетъ всю пользу отъ сношеній съ своими сосѣдями, являющимися какъ бы его благодѣтелями; иначе пришлось бы признавать этотъ народъ какимъ-то нищимъ, живущимъ милостыней другихъ народовъ. Насколько само по себѣ тенденціозно мнѣніе, будто Финляндія живетъ на счетъ Россіи, видно уже изъ того, что всѣ расходы по управленію краемъ покрываются изъ финляндскихъ налоговъ; Финляндія соразмѣрно естественнымъ экономическимъ условіямъ страны участвуетъ въ охранѣ своей территоріи. Финляндія вполнѣ въ состояніи уплачивать иностранные займы, заключенные ею для развитія своихъ путей сообщенія; наконецъ, Финляндіи соразмѣрно численности населенія есть первый потребитель русскихъ произведеній, которыя находятъ у насъ широкій сбытъ.

Мы не можемъ и не станемъ отвергать, что для сбыта произведеній финляндской промышленности и отчасти продуктовъ ея сельскаго хозяйства Россія представляетъ обширный и выгодный рынокъ. Но Россія по отношеніи къ Финляндіи не есть только потребитель; ей и въ Финляндіи открытъ рынокъ для сбыта своихъ произведеній, причемъ ввозъ русскихъ товаровъ

въ Финляндію значительно превышаетъ ввозъ финляндскихъ товаровъ въ Россію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія путемъ повышенія таможенной пошлины все болѣе и болѣе стала охранять свою промышленность отъ финской конкуренціи, экспортъ русскихъ товаровъ въ Финляндію сталъ быство возрастать — отчасти благодаря тому, что русскіе товары, за немногими исключеніями, безпошлинно ввозятся въ Финляндію.

Въ 1896 году Финляндія вывозила товаровъ на 47,9 милліоновъ марокъ въ Имперію, а въ 1897 году на 48,3 милліоновъ. Между тѣмъ, экспортъ Россіи въ Финляндію въ 1896 году выражался цифрой 54,8 милліона марокъ, а въ 1897 году — 72,3 милліона марокъ. Стало быть, какъ видно изъ этихъ данныхъ, ввозъ русскихъ товаровъ въ Финляндію за одинъ годъ увеличился въ болѣе значительной пропорціи, чѣмъ финляндскій экспортъ въ Россію.

Утверждать, при наличности такихъ данныхъ, что Финляндія во многомъ живетъ на счетъ Россіи, это — прямая безсмыслица. Съ такимъ же основаніемъ можно бы утверждать, что Германія, которая импортируетъ хлѣбъ изъ Россіи, живетъ на счетъ Россіи, или, что Россія, которая нуждается въ чаѣ изъ Китая и въ фабричныхъ издѣліахъ Германіи и Англіи, — живетъ на счетъ этихъ странъ; при этомъ упускалось

бы изъ виду, что выгода отъ обмѣна товарами обоюдна.

Странно заявленіе «Новаго Времени», будто «вся Приботническая часть Финляндіи живетъ лишь судоходствомъ и другими морскими промыслами на русскихъ водахъ». Газета не приводить никакихъ фактовъ въ подтвержденіе этого утвержденія; дѣлается это по простой причинѣ: такихъ фактовъ нѣтъ. Но если даже и согласиться съ этимъ мнѣніемъ, — то развѣ не въ интересахъ Россіи, что ея продукты развозятся по разнымъ портамъ, вмѣсто того, чтобы, за недостаткомъ русскихъ судовъ, они залеживались у производителей?

Утверждая далѣе, будто вся Выборгская губернія живетъ Петербургомъ, «Новое Время» почему-то упускаетъ изъ виду, что Петербургъ, съ другой стороны имѣетъ огромную потребность въ рабочей силѣ, въ лѣсѣ, молочныхъ продуктахъ и рыбѣ изъ этой финляндской губерніи. Выгоды и въ этомъ случаѣ обоюдныя . . .

Еще неосновательнѣе говорить, что вся восточная и сѣверо-восточная Финляндія живетъ эксплуатаціей смежныхъ русскихъ губерній — Олонецкой и Архангельской. Восточная Финляндія почти не имѣетъ сношеній съ этими губерніями вслѣдствіе плохого состоянія путей сообщенія. Правда, русскія сосѣднія губерніи имѣютъ нѣкоторую выгоду отъ финляндской желѣзной

дороги, доходящей до Іоенсу: по ней ввозятся въ Петербургъ нѣкоторые продукты; правда, русская казна имѣетъ свои выгоды отъ закупокъ финляндскими капиталистами лѣса въ названныхъ губерніяхъ; этотъ лѣсъ иначе почти не имѣлъ бы цѣны. Но для доказательства, будто восточная Финляндія живетъ эксплуатаціей сосѣднихъ русскихъ губерній, упомянутая газета не приводитъ ни единаго факта: впрочемъ, откуда ихъ и взять?

Столь же мало фактовъ приводитъ она въ пользу утвержденія, будто «русскіе въ Финляндіи лишены защиты своихъ самыхъ элементарныхъ гражданскихъ потребностей, не говоря уже о политической области». Onus probandi лежитъ, какъ всегда, на сторонѣ обвиняющей. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и ранѣе, «Новое Время» слагаетъ съ себя эту обязанность.

Наконецъ, въ связи со сказаннымъ, коснемся еще заявленія автора о томъ, будто Финляндія ежегодно получаетъ въ подарокъ три милліона рублей, расходуемые Россіей на русскія государственныя учрежденія и русскія войска въ Финляндіи. Если Россія содержитъ въ Финляндіи свои учрежденія и войска, то это дѣлается не ради Финляндіи, а въ интересахъ всей Имперіи, — главнымъ образомъ, для защиты столицы. Въ этихъ имперскихъ расходахъ Финляндія, — не считая собственныхъ военныхъ издержекъ, —

въ теченіе послѣднихъ 80 лѣтъ участвовала суммою приблизительно въ 30 милліоновъ марокъ. Истинную услугу оказало бы «Новое Время» Россіи, если бы оно избрало иную тему и поговорило бы о томъ, насколько для Россіи выгодно благосостояніе Финляндіи. Чѣмъ болѣе будетъ процвѣтать эта страна, — тѣмъ значительнѣе будетъ покупная способность ея народа и тѣмъ обширнѣе рынокъ сбыта, который для русскихъ товаровъ представляетъ Финляндія. Солидарность между народами нигдѣ такъ не выступаетъ на первый планъ, какъ въ торговыхъ сношеніяхъ между ними. Народы живутъ одинъ на счетъ другого, но это восможно только благодаря тому, что они живутъ другъ для друга. Къ сожалѣнію, многіе русскіе публицисты, когда рѣчь идетъ о Финляндіи, слишкомъ часто закрываютъ глаза на эту сторону вопроса.

Финляндія сквозь очки бывшаго русскаго цензора.

Статья газеты „Nya Pressen“ отъ 26 и 27 окт. 1898 г., №№ 291 и 292.

Книга г. Ордина о Финляндіи нашла себѣ должную оцѣнку въ рядѣ основательныхъ критикъ, какъ съ финской такъ и съ русской стороны; его способъ обращенія съ фактами былъ достаточно охарактеризованъ. Но всетаки этотъ писатель старался опираться на историческіе акты и на взгляды другихъ авторовъ по этому предмету, хотя тѣ заключенія, которыя онъ выводилъ изъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала, доказали полную его некомпетентность какъ историка. Къ сожалѣнію, г. Ординъ былъ основателемъ школы и если учитель былъ плохъ то ученики оказались еще хуже. За его трудомъ посыпался дождь брошюръ; для ихъ авторовъ истина, справедливость и чувство чести — совершенно чуждыя понятія. Въ вопросѣ о Финляндіи и объ уничтоженіи ея автономіи въ глазахъ этихъ господъ все позволено. Зная своего читателя они даже не пытаются подкрѣплять свои нападки доказательствами. Они знаютъ, что все, что будетъ сказано по этому поводу,

какъ бы безсмысленно или лживо оно ни было, разъ оно только касается Финляндіи, будетъ слѣпо принято на вѣру. Безцеремоннѣе другихъ такимъ легковѣріемъ съумѣлъ воспользоваться бывшій цензоръ г. Еленевъ въ своей послѣдней брошюрѣ. О достоинствѣ ея можно судить изъ слѣдующаго.

Вопреки утвержденіямъ г. Еленева, исторически установлено, что въ намѣренія ни одного изъ русскихъ Монарховъ за послѣдніе 150 лѣтъ не входило сдѣлать изъ Финляндіи русскую провинцію съ русскими законами, русскимъ общественнымъ устройствомъ и русскимъ языкомъ. Императрица Елизавета, какъ видно изъ манифеста 18 марта 1742 года, хотѣла сдѣлать изъ Финляндіи самостоятельное и независимое государство, — независимое какъ по отношенію къ Швеціи, такъ и по отношенію къ Россіи. При Императрицѣ Екатеринѣ эта мысль облеклась въ намѣреніе соединить Финляндію съ Россіей, предоставивъ ей однако сохранить шведскую конституцію и подъ ея сѣнію жить самостоятельною національною жизнью. Императоръ Александръ I осуществилъ эту мысль поэтому уже не вопреки, а въ согласіи съ планами мудрыхъ своихъ предшественницъ. Вотъ какова историческая истина, искаженная г. Еленевымъ; основываясь на такомъ искаженіи, онъ позволилъ себѣ самыя неприличныя сужденія объ Импера-

торѣ, благородство котораго стоитъ выше какихъ либо сомнѣній.

Что касается дальнѣйшихъ искаженій г. Еленева, то замѣтимъ, что не Фридрихсгамскій мирный трактатъ рѣшилъ судьбу Финляндіи. Когда этотъ трактатъ былъ заключенъ, Швеція *фактически* болѣе не имѣла правъ уступать Финляндію Россіи, а могла лишь констатировать, что отношеніе Финляндіи къ Россіи и ея Монарху уже до заключенія мирнаго трактата было окончательно и подробно урегулировано. Обѣщаніе Александра I сохранить за Финляндіей ея конституцію и ея основные законы, а также ихъ подтвержденіе на боргоскомъ сеймѣ въ 1809 году было обязательно не только для него, но и для всѣхъ его преемниковъ, которые ихъ придерживались, и сами впослѣдствіи ихъ утверждали. Утвердивъ основныя законы Финляндіи, верховная власть предоставила сейму право участвовать въ законодательствѣ и установленіи налоговъ, почему ни одинъ законъ или проектъ новыхъ налоговъ не вступаетъ въ силу безъ совмѣстнаго рѣшенія Монарха и сейма. Никто въ Финляндіи не защищалъ того мнѣнія будто бы Финляндія находится только въ личной уніи съ Россіей. По утвержденіи конституціи Финляндія стала государствомъ (т. е. «Staat» а не »Reich») съ внутренней автономіей, неразрывно связаннымъ съ Россіей, вмѣстѣ съ которою она образуетъ сложное

государство. Политическое положеніе, которое было признано за Финляндіей, было причиной быстраго ея развитія; это развитіе само въ себѣ есть лучшій стимулъ къ тому, чтобы нашъ народъ старался сохранять существующее положеніе, поддерживать самыя дружественныя отношенія къ Россіи и русскому народу и гнать прочь всякую мысль о томъ, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ «выступить открытымъ врагомъ Россіи», къ жителямъ которой мы не питаемъ никакой ненависти.

Г. Еленевъ и его единомышленники такимъ обвиненіемъ унизились до уровня тѣхъ клеветниковъ, которые, ослѣпленные ненавистью, не останавливаются предъ пожертвованіемъ собственной честью.

Къ области вымысловъ принадлежитъ также утвержденіе Еленева, будто бы Финляндія съумѣла безъ мѣры обогащаться на счетъ Россіи и что по повелѣнію Александра I «финляндцамъ были выданы огромныя по тому времени денежныя пособія и милліонныя заимообразныя ссуды, никогда уже не возвратившіяся въ русское казначейство».

На самомъ дѣлѣ, первый государственный заемъ для Великаго Княжества Финляндскаго былъ сдѣланъ въ Россіи въ 1810 году въ одинъ милліонъ ассигнаціями; но заемъ этотъ уже въ короткомъ времени былъ полностью возвращенъ

изъ финляндской казны. Александровскій университетъ не былъ «весь созданъ на русскія деньги». Университетъ, основанный въ 1640 году, содержится на финляндскія государственныя средства и располагаетъ фондами, образованными частью изъ тѣхъ же средствъ, частью изъ суммъ, пожертвованныхъ частными лицами; на университетъ не тратилось ни одной копѣйки изъ русскаго государственнаго казначейства. Финляндія, обѣднѣвшая отъ войны 1809 года, была на нѣкоторое время освобождена отъ обязанности выставлять свои поселенныя войска, но несмотря на эту льготу, при нашествіи Наполеона въ 1812 году Финляндія вызвалась устроить подписку для набора національной милиціи; въ томъ же году это войско и было набрано. За 90 лѣтъ соединенія Финляндіи съ Россіей финляндскіе поселенные баталіоны были сформированы отъ 1853 до 1867 гг. и финляндскій гвардейскій баталіонъ, который въ этомъ отношеніи занимаетъ особое положеніе, былъ неоднократно выводимъ на театръ войны. Финскій торговый и каботажный флотъ, состоявшій «подъ защитой русской военной силы» былъ въ 1854 году совершенно уничтоженъ. Финляндія не платитъ никакихъ налоговъ въ русскую казну, такъ какъ всѣ финляндскія общественныя учрежденія содержатся только на доходы отъ налоговъ, взимаемыхъ въ одной Финляндіи. Финляндія съ 1809 года участвовала

десятками милліоновъ въ сооруженіи и содержаніи казармъ, крѣпостей, лагерей и пр. для русскихъ войскъ въ этой странѣ.

Вотъ какова дѣйствительность. Слѣдуетъ еще замѣтить въ опреверженіе г. Еленева, что статсъ-секретари Финляндіи — Ребиндеръ, Армфельтъ, Шернваль-Валленъ — какъ принадлежавшіе къ тѣснѣйшему кругу приближенныхъ своихъ государей и стоявшіе къ послѣднимъ въ личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, считали бы преступленіемъ противъ своей чести обманывать своихъ Монарховъ. Такой образъ дѣйствій былъ бы уже потому лишнимъ, что люди эти болѣе кого либо другого знали истинное расположеніе этихъ государей къ Финляндіи и ихъ благородныя намѣренія содѣйствовать благу этой страны. Многіе, наконецъ, изъ генералъ-губернаторовъ Финляндіи не только имѣли достаточно энергіи, чтобы вполнѣ ознакомиться съ условіями и мнѣніями этой страны, но и путемъ опыта убѣждались въ концѣ концовъ, что развитіе Финляндіи находится въ ближайшей зависимости отъ сохраненія ея автономіи и національныхъ учрежденій.

Для человѣка, какъ г. Еленевъ, который относится съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ исторической истинѣ, къ человѣческимъ достоинству и правамъ, понятно, всѣ успѣхи, пріобрѣтенные работящимъ, привыкшимъ уважать законъ и со-

знающимъ свои права народомъ, могутъ казаться систематическимъ рядомъ ловкихъ обмановъ, лжи и подлоговъ. Во всей исторіи человѣчества не найти молъ народъ, который бы такимъ ехиднымъ образомъ, какъ нашъ, измышлялъ рядъ обмановъ, и въ которомъ бы каждый человѣкъ отъ низшаго и до высшаго такъ послѣдовательно и безсовѣстно посвятилъ бы себя служенію обманамъ. Безъ малаго одно столѣтіе мы, по мнѣнію г. Еленева, играли роль хитрой лисицы противъ простодушнаго и довѣрчиваго медвѣдя — Россіи. Между тѣмъ издавна извѣстно, что государственные люди Россіи отличались не только своей любовью къ отечеству, но и бдигельностью, настойчивостью и ловкостью, подобныхъ которымъ трудно найти. Однако, эти качества, какъ видно, разбивались о финляндскій обманъ въ теченіе цѣлыхъ девяноста лѣтъ. Да, и до того, дескать, испорчена атмосфера въ этой странѣ, что финляндцы могли сдѣлать изъ русскаго генералъ-губернатора, графа Адлерберга, сообщника своихъ преступленій.

Безсмысленность этихъ обвиненій очевидна для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, но эта безсмысленность тѣмъ ярче выступаетъ, что г. Еленевъ не могъ привести ни одного факта, выдерживающаго серіозную и основательную критику. И раньше все наиболѣе существенное изъ высказаннаго г. Еленевымъ было

неотразимо опровергнуто извѣстнымъ русскимъ писателемъ Головинымъ въ изданной имъ въ началѣ 90-хъ годовъ брошюрѣ: объ опроверженіяхъ со стороны финляндскихъ писателей уже не говоримъ. Но г. Еленевъ замѣчательно настойчивъ: онъ повторяетъ свои ложные, уже опровергнутые тезисы, не находя нужнымъ приводить доказательства. Они высказываются въ формѣ аксіомъ.

Такъ напримѣръ г. Еленевъ утверждаетъ, будто законы, которыми управлялась Финляндія полъ вѣка до 1863 года были финляндцами объявлены недѣйствительными, какъ изданные безъ согласія сейма.

Это неправда! Ничего подобнаго *никогда* въ Финляндіи не утверждалось. Ничего подобнаго и *не могло* утверждаться, ибо всякій знаетъ, что Монархъ здѣсь (какъ и въ Швеціи до 1809 года) пользовался и пользуется широкимъ правомъ изданія извѣстнаго рода законовъ и независимо отъ сейма.

Г. Еленевъ въ ранѣе вышедшей брошюрѣ выступилъ въ качествѣ знатока финляндскаго вопроса, и желалъ поучать русскую публику; онъ, однако, не освѣдомляется о томъ, что уже было высказано въ опроверженіе его словъ. Онъ самъ признается, что не знакомъ съ трудомъ Германсона о государственномъ правѣ Финляндіи. Не знакомъ онъ и съ «отвѣтомъ» Германсона, не смотря на то, что тамъ встрѣчается обращенная

противъ Еленева полемика (стр. 79—106, 109—118) обличающая несостоятельность его положеній и его поразительное незнакомство съ предметомъ, о которомъ онъ пишетъ.

Какъ невѣрно цитируетъ г. Еленевъ и къ какимъ неправильнымъ заключеніямъ онъ приходитъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: г. Еленевъ говоритъ: «Императоръ Александръ II, признавъ, какъ было имъ сказано въ рѣчи при открытіи сейма 1867 года, „несовмѣстность прежнихъ шведскихъ основныхъ законовъ съ положеніемъ дѣлъ возникшимъ для Финляндіи послѣ присоединенія ея къ Имперіи", отвергъ проектъ формы правленія во всемъ его объемѣ.» Между тѣмъ, г. Еленевъ говоритъ ранѣе, что проектъ Формы Правленія выработанъ былъ въ 1865 году финляндскими чиновниками и что въ него включены были пункты, ограничивавшіе власть государя, но, что, не смотря на тотъ фактъ, что проектъ формы Правленія былъ отвергнутъ, въ сеймовый уставъ вкрался однако § 71, устанавливающій способъ рѣшенія вопросовъ касающихся основныхъ и другихъ законовъ, при чемъ, при окончательномъ утвержденіи сеймоваго устава сдѣлана ссылка на Форму Правленія 1772 года и на Актъ соединенія и безопасности 1789 года. Однимъ словомъ, г. Еленевъ этимъ хочетъ доказать, что сенатъ и статсъ-секретарь обманули Государя. Стало быть, § 71 сеймоваго устава

долженъ былъ бы быть исключенъ и никакихъ упоминаній о прежнихъ основныхъ законахъ не должно было быть сдѣлано, такъ какъ вѣдь Государь въ своей тронной рѣчи отвергъ ихъ значеніе.

Что, однако, Государь Александръ II не отрицалъ этихъ основныхъ законовъ, а, напротивъ, признавалъ за ними силу, доказывается между прочимъ слѣдующими фактами:

Во время сейма 1863—64 года Императоръ приказалъ учредить два комитета для выработки проекта свода основныхъ законовъ страну и преобразованія высшихъ правительственныхъ учрежденій. Эти комитеты получили одобренную и утвержденную программу своихъ задачъ за собственноручной подписью Государя 19 декабря 1864 года. Комитету для пересмотра основныхъ законовъ вмѣнялось въ обязанность:

не только соединить въ одномъ актѣ или основномъ законѣ Форму Правленія отъ 21-го августа 1772 года и также Актъ соединенія и безопасности отъ 21 февраля 1789 года съ тѣми добавленіями, которыя впослѣдствіи были изданы, назвавъ этотъ актъ Формой Правленія для Великаго Княжества Финляндіи, — но и точно придерживаться редакціи тѣхъ прежнихъ законоположеній, которыя будутъ перенесены изъ прежнихъ актовъ въ новый, насколько это окажется возможно, въ виду необходимости придать отдѣльнымъ выраженіямъ надлежащую ясность, а

въ случаяхъ, когда измѣненія окажутся необходимыми, руководствоваться тѣмъ основнымъ началомъ, которымъ проникнуты прежнія законоположенія и которое съ особенной ясностью выражено въ § 1 Акта Безопасности.

Изъ спеціальныхъ предписаній, которыя даны были для руководства при редактированіи этого проекта мы приводимъ слѣдующіе:

2. Великое Княжество управляется согласно съ Формой Правленія и законами.

10. Никакой государственный заемъ не будетъ заключенъ безъ согласія земскихъ чиновъ, буде только нападеніе непріятеля или иное непредвидѣнное общее бѣдствіе не вызоветъ крайней необходимости прибѣгнуть къ такому средству.

11. Право установлять налоги, которое уже обладаетъ сеймъ, можетъ быть расширено по отношенію къ чрезвычайнымъ налогамъ и пр.

12. Право предлагать готовые законопроекты (право моцій), ранѣе принадлежавшее сейму, возвращается ему въ томъ видѣ, въ какомъ оно точнѣе опредѣлено въ § 42 Формы Правленія 1772 года; при семъ Императоръ, однако, оставляетъ исключительно за собою иниціативу въ измѣненіи основныхъ законовъ.

Комитету наконецъ поручалось составить проектъ полнаго сеймоваго Устава и при семъ сообразоваться съ прежде дѣйствовавшими уставами рикcдага.

Невозможно болѣе открыто признавать силу Формы Правленія и Акта соединенія и безопасности, чѣмъ то сдѣлано въ вышеприведенномъ актѣ, собственноручно подписанномъ Александромъ II.

Цитируя неполно, — или что, въ данномъ случаѣ *все равно, что невѣрно,* — *тронную* рѣчь на сеймѣ 1867 года, г. Еленевъ достигаетъ желаемой цѣли. Между тѣмъ Александръ II въ тронной рѣчи слѣдующимъ образомъ выразился о дѣятельности обоихъ комитетовъ:

— — — — — — — — — — — — — —

«Опытъ засѣданій созваннаго послѣ многихъ лѣтъ Сейма, указалъ на необходимость издать опредѣлительный Сеймовый Уставъ.

Разработанный нынѣ по Моимъ предначертаніямъ проектъ таковаго Устава передаю на Ваше обсужденіе, предполагая встрѣтить сочувтвіе Ваше къ Моимъ мыслямъ и желаніямъ установить собраніе представителей, облеченныхъ довѣріемъ народа, сообразно тому, чего требуетъ достоинство торжественнаго призыва на *соучастіе въ Государственной работѣ.*

— — — — — — — — — — — — — —

Обративъ въ то время вниманіе Земскихъ Чиновъ на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи, я изъявилъ

желаніе упрочить впредь смыслъ этихъ законовъ необходимыми поясненіями и дополненіями. Многосложность этой работы, потребовавъ осмотрительныхъ соображеній и продолжительныхъ занятій, къ сожалѣнію Моему въ настоящую пору еще не созрѣла до того окончательнаго вида, который бы Мнѣ далъ возможность удовлетворить первоначальному намѣренію предложить оную на обсужденіе настоящаго Сейма.

При недостаточныхъ въ настоящее время средствахъ предположенное преобразованіе правительственныхъ учрежденій, сопряженное съ значительными издержками, должно быть отложено до болѣе благопріятнаго времени.»

Таковы слова, высказанныя Императоромъ относительно этого вопроса. Ни одинъ добросовѣстный изслѣдователь не рѣшился бы вывести изъ этихъ словъ заключеніе, будто Александръ II хотѣлъ этимъ заявить, что форма Правленія и Актъ Соединенія отнынѣ теряютъ всякое значеніе.

Г. Еленевъ жалуется на оскорбленія, которымъ русскіе будто бы подвергаются въ Финляндіи и говоритъ въ общихъ выраженіяхъ о случаяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ 50-хъ годахъ. Пора бы предать забвенію то, что случалось полъ столѣтія тому назадъ. Распространеніе народнаго образованія и здѣсь повело за собой смягченіе нравовъ. Мы не думаемъ, что живущіе въ нашей странѣ русскіе имѣютъ малѣйшее основаніе жало-

ваться на дурное къ нимъ отношеніе. Если бы они сами имѣли возможность высказаться по этому вопросу, особенно ранѣе того, чѣмъ въ извѣстной части русской печати началась травля Финляндіи, — то мы увѣрены, что они единогласно свидѣтельствовали бы въ пользу Финляндіи.

Иначе не можетъ и быть. Мы здѣсь не питаемъ ни какой озлобленности или враждебности противъ русскихъ и потому съ презрѣніемъ отвергаемъ всѣ бабьи выдумки г. Еленева о нашихъ заоблачныхъ политическихъ мечтаніяхъ.

Мы замѣтили въ одной изъ нашихъ предыдущихъ статей, что обвиненіе нашего народа въ «сепаратизмѣ», за то, что онъ крѣпко стоитъ за свои законныя права, вдвойнѣ должно упадать на Александра I, который первый возвелъ Финляндію въ чреду народовъ, — и на его преемниковъ, которые утверждали и далѣе развивали автономію Финляндіи. Г. Еленевъ не останавливается предъ такими обвиненіями. Его ненависть къ Финляндіи обращается съ полной послѣдовательностью и на того благороднаго монарха, которому наша страна обязана своимъ политическимъ существованіемъ, и который еще въ послѣдніе годы своего царствованія повелѣлъ, чтобы нѣкоторые болѣе важные вопросы оставались не рѣшенными, пока они не будутъ разсмотрѣны земскими чинами. Но ненависть эта не ограничивается

однимъ Александромъ I; она обрушивается, хотя и въ болѣе мягкой формѣ, и на его преемниковъ.

Добросовѣстный историкъ произноситъ иногда сужденія, строгость которыхъ поражаетъ удивленіемъ его современниковъ; тѣмъ не менѣе, онъ въ такомъ случаѣ лишь осуществляетъ свое право, хотя бы даже ошибался. Современное ему поколѣніе преклонится предъ его приговоромъ, пока новыя изслѣдованія, вооруженныя лучшими пріемами, не покажутъ, что онъ пришелъ къ невѣрнымъ выводамъ. Свобода изслѣдованія неприкосновенна и въ области исторіи, и не только при оцѣнкѣ частныхъ лицъ, но и властителя, память котораго его народъ любитъ украшать самими яркими цвѣтами.

Но ни одинъ народъ безъ чувства глубокаго негодованія не позволитъ памфлетисту, руководимому лишь своей ненавистью и низкими разсчетами, безъ всякаго основанія топтать въ грязь память тѣхъ, кого этотъ народъ считаетъ своими благодѣтелями. Г. Еленевъ, ища опоры въ настроеніи, которое онъ и подобные ему люди возбудили своими нападками на Финляндію и на ея народъ, имѣлъ смѣлость, вопреки исторической правдѣ, возводить на Императора Александра I такія обвиненія, которымъ трудно найти равныя. Этотъ человѣколюбивый, благородный Монархъ, которому его мудрая политика по отношеніи къ Финляндіи развязала руки на сѣверѣ, когда На-

полеонъ, влеча за собой войска Европы, шелъ походомъ на его землю, — представляется г. Еленевымъ чуть ли не врагомъ Россіи: «онъ неспособенъ былъ ни къ какой устроительной работѣ: на все смотрѣлъ поверхностно и слегка: Россіи и русскихъ не любилъ и не зналъ ихъ исторіи; окружалъ себя такими же какъ онъ самъ людьми, которые льстили его непомѣрному самолюбію. Всѣ его дѣйствія направлялись только двумя побужденіями, погоней за популярностью между чужими народами и нашими инородцами и исканіемъ военной славы» — — — — «Жертвуя въ пользу Финляндіи важнѣйшими интересами своего государства, его цѣльностью, достоинствомъ и безопасностью, онъ тотчасъ принималъ угрожающій тонъ относительно финляндцевъ, какъ только замѣчалъ, что они, поощренные его же пышными фразами, протягивали руки — къ его личнымъ прерогативамъ и заговаривали о шведской конституціи конца прошлаго столѣтія».

До того теперь все извратилось, что какой-то памфлетистъ, не опираясь на факты, осмѣливается мѣшать съ грязью память одного изъ лучшихъ Государей Россіи и дѣлать то же самое, хотя въ болѣе мягкой формѣ, относительно его преемниковъ. Въ сравненіи съ этимъ приговоръ надъ финляндскими статсъ-секретарями кажется просто мягкимъ. Г. Еленевъ хвалится тѣмъ, что онъ имѣетъ на своей сторонѣ общественное мнѣніе

того кружка въ Россіи, который внимаетъ лишь голосу своихъ наихудшихъ политическихъ инстинктовъ. Но когда онъ грозитъ такъ называемымъ «самозваннымъ законодателямъ» Финляндіи русскими уголовными законами, — то онъ забываетъ, что уголовный законъ довольно строго караетъ и клеветника и тѣхъ, кто стремится возстановлять другъ противъ друга народы, живущіе въ согласіи подъ скипетромъ одного и того же Монарха.

Намѣренія г. Еленева и его товарищей по оружію очевидны. Тѣмъ не менѣе, нашъ народъ слишкомъ воспитанъ въ уваженіи къ закону и слишкомъ спокоенъ въ сознаніи своего права, чтобы, — не смотря на попытки нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ раздражить его, — позволить себѣ что нибудь такое, что дало бы поводъ къ насильственному вмѣшательству. Намъ кажется невозможнымъ, чтобы обѣщаніе «соблюдать конституцію этой страны подъ скипетромъ Нашимъ и Нашихъ преемниковъ» (Высочайшій Манифестъ 9/21 февраля 1816) могло быть менѣе обязательнымъ, потому что оно добровольно а не вынуждено; намъ кажется невозможнымъ, чтобы автономія Финляндіи, основанная на добровольномъ царскомъ словѣ Александра I и его преемниковъ и почему то теперь безъ малаго сто лѣтъ спустя оказавшаяся вредной для интересовъ и обидной для чести Россіи, — чтобы эта авто-

номія безъ какой либо вины съ нашей стороны была обречена на уничтоженіе. Мы не понимаемъ той государственной мудрости, которая внушала бы создать у самыхъ воротъ русской столицы, вмѣсто процвѣтающей Финляндіи, довольной и благодарной за свой жребій, опустошенную провинцію, гдѣ чувство ненависти и озлобленія горѣло бы въ сердцахъ населенія. Такой государственной мудрости мы не понимаемъ: исторія учитъ насъ, что преступленія народовъ, точно также какъ и отдѣльныхъ лицъ, взвѣшиваются на вѣсахъ вѣчнаго правосудія и что каждая несправедливость сильнаго по отношенію къ слабому влечетъ за собою, какъ свое послѣдствіе, кару въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

SCHYBERGSON, M. G. Geschichte Finnlands. Deutsche Bearbeitung von Dr. Fritz Arnheim. (Geschichte der europ. Staaten herausg. von Heeren, Ukert etc.). Gotha, Fr. Andr. Perthes. 1896.

YRIÖ-KOSKINEN. Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Autorisirte Uebersetzung. Leipzig. Duncker & Humblot. 1874.

Finnland im 19. Jahrhundert. Neue Aufl. Helsingfors. 1899. G. W. Edlund. 40 Francs.

La Finlande au XIX. siècle. Nouv. édition. Helsingfors 1899. G. W. Edlund. 40 frcs.

Труды о финляндскомъ вопросѣ:

МЕХЕЛИНЪ, Л. Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи. Гельсингфорсъ, 1898. Изд. Г. В. Эдлунда.

— Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи? Гельсингфорсъ 1890.

— Новая книга Ѳ. Еленева и поправки къ ней (Статья въ „Вѣстникѣ Европы", 1898, декабрь).

ДАНІЕЛЬСОНЪ, Р. Соединеніе Финляндіи съ россійскою державою. Борго 1890. Вернеръ Седерстремъ.

— Внутренняя самостоятельность Финляндіи. Борго 1892.

БОРЕНІУСЪ, Г. Акты для выясненія политическаго положенія великаго княжества Финляндскаго. Гельсингфорсъ 1890.

ГЕРМАНСОНЪ, Р. Государственное положеніе Финляндіи. — С.-Петербургъ 1892. (Не продается).

НЕОВІУСЪ, Фрит. Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею. Гельсингфорсъ 1890.

Переводъ всеподд. отзыва Земскихъ Чиновъ Финляндіи, отъ 27 мая 1899 года, по поводу Выс. Е. И. Величества предложеній, съ проектомъ Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, и объ основныхъ началахъ устройства и управленія финскихъ войскъ. (Не продается).

Переводъ всеподд. отзыва Земскихъ Чиновъ Финляндіи, отъ 29 мая 1899 г., по поводу Выс. Е. И. Вел. предложеній, относительно уравненія тягости личной воинской повинности въ Финляндіи съ таковою же въ Имперіи и относительно уравненія военно-финансовой тягости воинской повинности въ Финляндіи съ таковою же въ Имперіи. (Не продается).

Финляндія въ XIX столѣтіи. Гельсингфорсъ 1894.

ПРОТОПОПОВЪ, Д. Финляндія. С.-Петербургъ 1898. Изд. О. Н. Поповой.

Типографія П. Станкевича въ Берлинѣ, Бернбургерштрассе 14.